

Аслан Жаксылыков

СЫН СТЕПЕЙ И ГОР, АДИЙ...

Документальное повествование

Адий Шарипов – поистине удивительный человек, который, безусловно, заслуживает увековечивания и почитания потомками, и, конечно, романного повествования о нем. Это многогранная и всесторонне реализованная личность, он и боец-партизан, и писатель, и ученый, крупный руководитель и организатор науки и литературы. Кроме того, он государственный деятель, был зам. министра просвещения КазССР, министром просвещения КазССР, заместителем Председателя Совета Министров КазССР, депутатом Верховного Совета СССР, заместителем председателя Совета Союза ВС СССР, первым секретарем Союза Писателей Казахстана. Он был директором Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Академии наук, написал более 350 научных трудов, в том числе целый ряд монографий, учебников, подготовил множество учеников.

Адий Шарипов оставил заметный след не только в науке, культуре, образовании, литературе и искусстве, государственном управлении Республики Казахстан, он запечатлел свой неугасимый образ в сердцах множества людей от Белоруссии, Украины, России до внутренних границ Казахстана. Эмоционально-нравственный след, оставленный им в душах людей, это следствие его доброты, веры в человека, любви к жизни, открытого и прямого характера. За это его любили честные люди. Спонтанный в проявлениях, прямолинейный с противниками, не терпящий лжи и предательства, бесконечно преданный Родине и людям, которых любил, он прожил большую и насыщенную жизнь. Это повествование о нем лишь скромный вклад в будущие исследования творчества Адий Шарипова. Они нужны для того, чтобы будущие поколения учились у него цельности натуры, нравственной чистоте, гражданской смелости и подлинному мужеству, мудрости, любви к жизни, к людям, особенно к детям.

Предлагаем вниманию наших читателей журнальный вариант книги Аслана Жаксылыкова, вышедшей в издательстве «Қазақ университеті» в 2016 году по инициативе и на средства вдовы А. Шарипова – Клары Жагіпаровны Мынжасаровой.

Хребет Калбы, что означает на древнетюркском языке Оловянные горы, это диковинный край гор и холмов, гранитных скал, часто причудливой и даже фантастической формы, сосновых боров и лиственного леса, зелеными лентами перекидывающихся с отрога на отрог, с седловины на седловину, со склона на склон. Долины здесь меж хребтами – лесистые, однако с обширными прогалинами и опушками, заполненные солнцем, плавно-пологие, радующие глаз живописностью. Горы – невысокие, умеренно-спокойные, иногда до самого

горизонта льющиеся волной холмов, в среднем поднимаются они на 1000 метров, однако таят в себе несметные минеральные богатства. Чего только здесь нет? Уран и вольфрам, бериллий и тантал, молибден и золото, серебро и олово, свинец и цинк, редкоземельные минералы и многое другое. С древних времен неолита здесь вручную добывали олово. Этот горный массив тянется с левого берега Иртыша на запад до степей Сары Арки на 400 км. Ширина хребта местами 100 км. Летом здесь всегда изобилие высокого и густого травостоя, альпийские луга поражают воображение красотой ярого и пышного цветения, озвученного жужжанием пчел и жужелиц. Выветренные скалы кажутся угрюмыми воинами – исполинами, идущими маршем на поле великой битвы. Воздух Калбинского хребта даже знойным летом всегда прохладен, чист до звонкой синевы, напоен ароматом медовых трав. Поэтому казахи всегда ценили этот край за богатство жайляу, ибо горные долины надежно укрыты от ветров стеной холмов, по дну каждого ущелья или ложины струятся чистые речки, вода настолько ясная, что ее можно пить безо всякой опаски. Критерием чистоты этих вод являются веселые красноперые хариусы, которые водятся только в прозрачной воде горных золотых рек. Калбы – это благословенный край, который при умелом бережливом пользовании может сделать местный люд богатым, преуспевающим. Однако не всегда так происходило, за этот край веками воевали казахи, ойроты, джунгары, соперничали сами казахские племена.

Все же главное богатство хребта Калбы – это красота местной природы. Край этот заповедный, здесь растут редкие растения, занесенные в Красную книгу, например, ремень с руку толщиной, высотой метр, а то и более, маралий корень и золотой корень, зверобой и горный пион (Марьины корни). Весной все склоны зажигают ярко-оранжевыми пламенем разливы цветов, которые местные жители называют словом жарки. По своему детству знаю, что осиновы и березовые рощи, что затейливо раскинулись в горных долинах, это ягодные места, в середине лета луга бывают красными от земляники. Вдоль речек выются густые заросли ежевики, на склонах повыше встречаются чащи малины, в них нередко пасутся бурые медведи. Черемуха, смородина, облепиха, боярка, кислица, барбарис – какие только ягодные кусты не встречаются в таинственных и бесконечно уходящих урочищах Калбы, словно зовущих странствовать, бродить в заколдованных ущельях и распадках с их магической красотой. И стоят над ними поросшие мхом величественные, уступчатые гранитные башни и утесы. Эти титаны – стражи неведомого и неисповедимого, они берегут этот край для будущего, для тех, кто сумеет прочесть заветный язык живой планеты, тысячи лет берегущей жизнь и несущей ее сквозь толщу времени. Если ты родился здесь, и твое сердце открыто просторам и языку красоты, ты не можешь не любить этот дивный край с его золотыми урочищами и каменными нерукотворными замками и крепостями. Куда бы потом ни занесла тебя судьба, голос этих просторов, настоянных медовыми травами и хвойно-терпким воздухом сине-зеленых лесов, всегда будет звать назад, на родину. Нисколько не удивляюсь тому, что писатель, ученый, ветеран великой войны Адий Шарипов всегда стремился на родину, сын этих гор, он был навечно пленен красотой древних отрогов Алтая. Глубоко трогает то, что до последних дней его жизни, прикованный тяжелой болезнью к постели, он ностальгически мечтал о родном крае, грезил лугами родины, грустил по незабвенной отчей земле.

Будем внимательны к родословной писателя, ибо это часть космоса каждого сознательного казаха. Родословная Адий* Шарипова выстраивается следующим образом. Большое казахское племя Найман входит в Средний жуз. Племя Найман в свою очередь состоит из девяти крупных родов: Каракерей, Садыр, Матай, Тортул, Баганалы, Балталы, Кокжарлы, Каратай, Бура. Базовый род и подроды, из которых вышли прадеды и дед Адий Шарипова, это Матай, затем Кенже, Мамбет, Бозтай, Кожамкул, Батырбек, Байт, Ердес, Кудаймеды, Токтыбай. Токтыбай, это прадед Адий Шарипова, отец Кайрамбая, от которого более или менее ясно идет история родословной нашего героя. Кайрамбай Токтыбайулы – дед Адий Шарипова. У Кайрамбая было семь сыновей и одна дочь. Назовем их всех: Мухамеджамел, Мухамедхалел, Мухамедшарип, Мухамедусуп, Дауд, Мухамедфазыл, Мухамедсадык, Бибисара. По идеологическим причинам (гонений против религии) в советское время эти двойные имена произносились сокращенно, например, Жамел, Халел, Шарип и т.д. В 20 веке в жестокие времена сталинщины были арестованы по политическим статьям Дусуп, его сыновья Тауфик, Опа, в 1937 году арестованы и расстреляны Фазыл, позднее Садык, и один из родственников Курмаш.

Третий сын кажы Кайрамбая Мухамедшарип – отец Адий Шарипова. У Шарипа и Газизы было три сына: Наби, второй Гани, третий Адий. Первый сын умер еще младенцем, поэтому часто в родословных он не упоминается. Отдельно нужно сказать о роде Матай. Ему, судя по названным поколениям, несколько веков. В эпоху Чингизхана часто звучит этноним племени – Найман, по источникам того времени Матай не обнаруживается. Этот этноним начинает звучать в историях казахо-джунгарской войны. Как известно, в результате нашествия джунгар и калмыков в 16 веке, и особенно в 17 веке, казахские племена стягиваются на юго-западе вокруг озера Арал. На территории Средней Азии оказывается и большое племя Найман. До сих пор крупные подразделения этого племени находятся в Южно-Казахстанской и Кызылординской областях Казахстана, а также в Узбекистане. Когда джунгары были разгромлены, главным образом в результате экспансии маньчжуро-китайских войск, казахские племена Среднего жуза стали возвращаться на свои прежние территории, Аргыны двинулись в центр, на север, северо-восток Казахстана, Найманы и Керей на Восток и на земли китайского ныне Тарбагатая и Алтая. Найманский род Матай оказался на землях нынешнего Восточного Казахстана, причем его большая часть расселилась на значительной части бывшей Талдыкурганской области, главным образом вокруг озера Алаколь. Возвращение казахов на свои земли в 18 веке нередко приводило к трениям между племенами, обостряло земельные споры. Такие проблемы возникали между племенами Аргын и Найман, Найман и Керей, родом Матай и племенем Жалайыр. Эти споры решались на советах ханов и султанов, биев. Отголоски тех событий поведывают нам о том, как часть рода Матай оказалась на территории Восточного Казахстана, в частности на отрогах Калбинского хребта, подроды Кенже, Караулжасык и др. Туда же продвигался род Каракерей. Судя по всему, через Алтай шла постепенная миграция крупного племени Керей, особенно Абак-Керей на территорию нынешнего китайского Алтая и Тарбагатая, с их уходом освобождающиеся земли занимали роды Матая.

В многоснежных 1830-1837 годах случился свирепый джунт. Как говорят источники, матайцы Уланской волости, попавшие в тяжелое положение, обрати-

* Адий – именно так, в несклоняемом варианте, называли А. Шарипова родные и близкие.

лись за помощью к аулам Каракерея, жившим на отрогах Тарбагатая. Видимо, на время даже откочевали туда. На пастбищах Тарбагатая и Зайсана, Урджара положение было более или менее благополучным, сородичи, обитавшие здесь, помогли бедствующим, выделив им на три года 500 лошадей. Когда положение аулов Матая выправилось, они вернулись на свои прежние земли, то есть на Калбинский хребет и долину реки Шар. При этом выяснилось, что эти земли уже заняты родом Каракерей. И тогда Кайрамбай, предводитель многих аулов Матая, обратился с заявлением в уездную администрацию в г. Семипалатинск, при этом были проверены архивные документы, в частности карты расселения родов. В результате Кайрамбаю удалось освободить занятые земли, вновь собрать рассеянные подроды Матая и расселить их на прежних местах. Это говорит об авторитете и известности Кайрамбая, которому доверяли не только казахи разных родов и племен, но и уездная администрация.

Известно, что Кайрамбай был деятельным, мыслящим человеком, он был достаточно образован. Он получил основательное богословское образование в медресе в г. Уфа. Как сообщает нам Габбас Садыкулы, впоследствии он получил статус наказного муллы Усть-Каменогорского уезда. В 1893 г. он построил в своем ауле мечеть и медресе. К 1915 г. это медресе превратилось в обычную общеобразовательную школу. В частности в этой школе получил начальное образование ставший впоследствии известным ученым, доктор филологических наук, профессор С. Аманжолов.

Энергичный, неумный человек, Кайрамбай, не ограничивался светской общественной деятельностью. Как своего старшего отпрыска воспитал он Мухамеджана Илбисинова, сына своего умершего младшего брата Илбисина. Когда тот вырос и возмужал, стал сметливым человеком, помог ему стать волостным начальником. Как пишет Габбас Садыкулы, Мухамеджан Илбисинов, вступив в деловые отношения с российскими миллионерами, Латифом Мусиным, Шерниязом Рафиковым, открыл в богатых золотом волостях Восточного Казахстана рудники Сынтас, Балажал, Боке, Акжал, Алайгыр, Казаншункыр, Бесишоқы, Жантас. Некоторые из этих рудников (Балажал) разрабатываются до сих пор. Надо признать, что влияние Кайрамбая ощущается и в этих масштабных мероприятиях. Все это привело к тому, что люди подродов Кожамкул-Байыт основательно разбогатели. Начался процесс оседания на землю. Казахи этих подразделений стали строить срубные дома, поддерживая тесные связи с уездной администрацией, они выбирали своих людей аткаминерами, а также на должности 24 старшинств волости. Семейная община Кайрамбая росла и крепла, и к Октябрьской революции составляла 15-20 аулов. В каждом ауле в среднем проживало от 15 до 20 человек. Из них наиболее зажиточным был аул Мухамеджана Илбисинова. В медресе Кайрамбая были приглашены работать и учителя русского языка. Младшее поколение аулов Кайрамбая обучалось русской грамоте в школах Уланской, Самарской волостей. Все это говорит о том, что Кайрамбай был человеком с развитым социально-экономическим мышлением, с прогрессивными взглядами, с широким мировоззрением, и он, конечно, далеко смотрел в будущее. Характерным его поступком было то, что он инициировал проведение канала от горной речки Агыныкатты, к его аулу, который находился на расстоянии 15 километров от прииска Сынтас. По берегам канала была высажена многолетняя кормовая трава, в укрытой от ветров ложине она вырастала особенно густой и высокой. Такая надежная кормовая база

позволяла по-новому вести скотоводство, в частности, интенсивное разведение особой породы белоголовой коров. Источники говорят, что канал Кайрамбая существует до сих пор, однако он запущен.

Габбас Садыкулы пишет, что какжы Кайрамбай познакомился с Абаем Кунанбаевым в 1885 году в местечке Карамола на берегу речки Шар. В это время Кайрамбай был уже наказным муллою уезда, он носил положенную белую одежду. Как известно, Абай довольно-таки иронически относился к аульным муллам. Видимо поэтому между Кайрамбаем и Абаем состоялась шутивная пикировка.

Во время второго хаджа по пути в Мекку в г. Омск он остановился в доме Алихана Бокейханова, на тот период политического лидера казахского народа. Между ними состоялась продолжительная беседа на тему судеб народа. Отношения между Кайрамбаем и Алиханом Бокейхановым возникли раньше в 1885 г., они появились, когда Алихан Бокейханов баллотировался в депутаты Российской Думы. На съезде в местечке Карамола Кайрамбай выступил против кандидатуры Алихана Бокейханова. Его мнение было весомо, поэтому будущему депутату пришлось уговаривать какжы. В результате Кайрамбай отдал свой голос ему.

В 1912 году на берегу речки Агыныкатты в одном из урочищ Калбы пришло время появиться на свет Адий, сыну Шарипа. Мать забеременела через 8 лет после рождения второго сына Гани. Роды начались осенью после стрижки овец. Схватки были трудными и длились всю ночь. К утру Газиза родила сына. Шарип был счастлив, он был вне себя от радости. Какжы Кайрамбай с женой пришел навестить невестку лишь к обеду. Он внимательно осмотрел младенца и обратил внимание, на то, что он весь беленький и, освещенный лучом, падающим в открытый шанырак, словно бы светится. И тогда он вспомнил предсказание своего отца Токтыбая, что в их роду родится мальчик, которому будет суждено после многих ударов судьбы и мытарств возродить их род. Его имя станет известным всему народу, у него будет заслуженная слава. Взяв ребенка на руки, улыбающийся Кайрамбай три раза произнес в ухо ребенку: «Твое имя Адий». Все, кто находился в юрте, вслед за ним повторили это имя. Затем какжы объяснил им, что на арабском языке это слово означает – предводитель людей, человек, который в походе всегда находится в первом ряду идущих.

В пожилом возрасте, задумав во второй раз совершить хадж в Мекку и Медину, Кайрамбай берет с собой в паломничество сыновей, Дауда и Шарипа, отца двухлетнего тогда Адий. Судьба распорядилась таким образом, что Шарип заболевает в Аравии холерой и умирает. Он был похоронен в Мекке, его могила под номером 14. Впоследствии уже в 1967 году, в составе делегации Верховного Совета СССР оказавшись в Каире, Адий Шарипов делает запрос по официальным каналам в Москву с просьбой разрешить посетить могилу отца. Получив согласие верхов, он отправляется в Мекку, находит могилу отца, его имя арабскими буквами было вырезано на белом мраморе надгробья.

Должны мы пояснить, что по дороге домой умирает сам какжы Кайрамбай, он был похоронен в России в г. Пенза. По дороге домой умирает и Дауд. Из истории семейной общины Кайрамбаевых известно, что во времена советской власти, в период масштабного голодомора, сын какжы Халел и дочь Бибисара в 1932 году бежали в Китай, где, судя по всему, они выжили. Несмотря на последствия голодомора, репрессий, преследований, расстрел нескольких сыновей и внуков Кайрамбая, его семейная община продолжала расти, пускать корни, сейчас, по-

жалуй, это уже древо с могучей кроной и крепкими ветвями. И одна из узловатых и могучих ветвей этого родового древа – Адий Шарипов и его потомки.

Таким образом по воле судьбы уже в младенчестве Адий теряет своего отца, мать становится для него центром мира.

Безотцовщина – одна из тяжких долей, которые выпадают человеку по воле судьбы. Мать заменила маленькому Адий любящего отца. Такой внимательный и душевно одаренный человек как Шарип, безусловно, стал бы хорошим отцом надежной опорой и мудрым наставником юному подрастающему джигиту. Как часто бывает нужна поддержка отца подростку, вступающему на торную дорогу жизни молодого мужчины! Однако судьба лишила маленького Адий такой возможности. Дед – нагаши, отец матери, прекрасный человек, мастер по выделке кож, изготовлению седел и домбр, нередко вставал на защиту своего внука. Так, вскоре после смерти отца Адий, он подарил своему внуку серого иноходца – кунана. Психологическое ощущение, что ты на коне и у тебя есть своя верховая лошадь, многое значит для самосознания казаха. Это ощущение и формирует в нем чувство полноценности. Если же ты одарен поэтически и в душе романтик, то конь дарит тебе волшебные ощущения особой красоты бытия и полета над миром.

Один из сложных и оправданных историей и тем не менее драматических казахских обычаев – аменгерство, по научному называется он левират. Вдова не должна долго оставаться одна, после кончины супруга в течение года ее выдают замуж за родственника мужа, обычно его брата. Хорошая сторона этого обычая в том, что вдова не оставалась одна, ее детей усыновляли и удочеряли. Темная сторона обычая в том, что это происходило по воле аксакалов, несчастная женщина не имела право выбора своей судьбы. После смерти Шарипа Газиза должна была стать женой одного из старших братьев мужа. Грузный, с вечной одышкой, растолстевший так, что хребет коня порой ломался под ним, он не нравился Газизе. Она никак не могла забыть Шарипа, нежного, внимательного, душевно расположенного к ней. Не прошло и года после смерти мужа, не успели высохнуть слезы на лице вдовы, как однажды появился брат мужа, предъявив свои права. Отказ грозил многими тяжкими последствиями, такая вдова оказывалась в атмосфере отчуждения, враждебности со стороны не только обиженного мужчины, но и всего клана его родичей. Вдова попадала в положение почти брошенной на произвол судьбы, у нее могли отобрать скот, имущество, при знатном ее положении – прислугу. Однако самой тяжелой была психологическая обструкция в ауле, к отцу и матери вдова не смела возвращаться. Это шло радикально вразрез со всеми казахскими обычаями. Обдумывая свою долю долгими бессонными ночами, Газиза приняла решение. Оно было бесповоротным и окончательным. Она решительно отказала родственнику мужа и безропотно приняла все тяготы предстоящего. Видимо, ее душа, словно в воду смотрела, - в том же году претендент на ее руку скончался от болезни сердца.

Был в жизни Адий такой случай, который он никогда потом не мог забыть, та обида незаживающей раной ворвалась в душу. Однажды в аул Кайрамбая приехали гости. Главной гостьей была дочь младшего брата Шарипа, она была выдана замуж несколько лет назад, и это был ее первый визит после свадьбы. В мире традиций казахов такой случай обставляется целым рядом ритуалов, в том числе дарами. Газиза, отозвав в сторонку Адий, сказала ему грустно: – Сынок,

ты должен срочно уехать на время к нагаши-ата. Дело в том, что старшие родственники хотят подарить твоего иноходца маленькому сыну гостыи.

– Но у них же целые табуны коней! – вырвалось у потрясенного Адий.

– Они хотят сделать особо ценный подарок, а это твой иноходец. Так что уезжай скорее к деду, и не спеши возвращаться, – сказала мать, внимательно глядя в глаза сыну. Она понимала, что это рискованно – глядя на ночь, отпускать в путь незрелого отрока, одного без сопровождения взрослых. Но другого выхода не было. И маленький Адий, сев на своего кунана, поскакал в ночь по каменистой горной дороге через темный лес. Путь предстоял немалый – тридцать километров к Сибинским озерам, где находился аул деда. И он добрался. Увидев маленького внука, нагаши был поражен, а узнав причину его появления, возмущен до предела. Десять дней гостил Адий у деда, помогал ему, внимательно наблюдал за руками мастера, которые ловко и умело вытачивали из цельных березовых кап седла, обтягивали заготовки войлоком и кожей. Эти качества – смелость, находчивость, цепкая память потом помогут ему на большом жизненном пути, когда он будет партизаном в белорусских лесах.

Родной аул тянул домой, выматывал тоской юную душу. Адий вернулся к матери. Не успел он спешиться возле юрты матери, как с криком накинулся на него дядя. Грузный, тяжелый, с одышливым дыханием, он бил и бил мальчика камчой, рассекая сквозь одежду спину. Уже струилась кровь, лежавший на земле ребенок с ужасом глядел на багрового великана, дядю, расшвирипевшего до потери человеческого облика. Прибежала Газиза, коршуном налетела на обидчика, заслонила своим телом ребенка, вдавленного в траву. Мужчина отбросил камчу и ушел прочь, продолжая бормотать ругательства. Он не знал, что ему немного осталось жить на этом свете. На всю жизнь запомнит Адий эту сцену, и ту жгучую боль, и это была боль не от хлестких ударов плетки, а от невыносимой обиды. Несправедливость и жестокость расправы долго терзали сердце. Обида осталась на всю жизнь.

Главная мечта Адий в детстве – учеба, стремление получить образование. Сейчас сказать трудно, откуда взялась в юнце такая ментальная сила, скорее всего, она из интуитивного плана будущего, ведь будущее тоже реально, и оно из плана незримого влияет на нас. Ради учебы Адий был готов пожертвовать многим. Однажды осенью он пошел в русский класс начальной школы, открытой Кайранбаем. Все четыре года начальной школы он учился с прилежанием, всегда тщательно выполняя домашние задания. Учителя были довольны им. Зимой довелось побывать в Усть-Каменогорске. Нужно было сопровождать сильно занемогшую маму, которая хотела показаться опытным врачам в городе. Город с массой людей, огромными домами, неустанным движением извозчиков, базарами и магазинами произвел на мальчика огромное впечатление. Он почувствовал зов судьбы. Мать, видя вдохновленного, взбудораженного сына, по возвращении в аул посоветовалась с отцом. У нагаши-ата был хороший друг-тамыр, который проживал в селе Дарственко. Решили оставить Адий в доме Алексева, доброго человека с большим сердцем. Он согласился принять мальчика, чтобы подготовить его к учебе в городе. И Адий продолжил обучение в селе в русской школе. Ему мешало недостаточное знание русского языка. Однако помогло общение с детьми Алексева: постоянные игры, возня во дворе способствовали освоению русского языка. Чувствуя душевное и чуткое отношение Алексева, Адий старался воз-

дать ему добром. Привыкший с малых лет к работе, он пас коров хозяина дома, три раза в день поил их, залезая на крышу лабаза, скидывал сено и солому для скота. Адий любил трудиться по хозяйству, мать же обеспечивала продуктами. Так прошел и этот учебный год.

Гани, старший брат, закончив обучение, получил назначение в начальную школу в селе Курчум. Это живописное местечко у самого устья реки Курчум, впадающей в Иртыш. (Сейчас это районный центр в Восточном Казахстане на правом берегу Иртыша). На следующий год семья переехала в Курчум. Тем не менее, поскольку здесь не было старших классов, Адий пришлось вернуться в родной аул. Это лето тоже запомнилось на всю жизнь. Серьезный урок несправедливости способствовал этому. Вернулся на каникулы двоюродный брат, который учился в Текстильном институте в далеком Ташкенте. Братья все лето провели вместе на джайляу Кеншилик. Красоту этого джайляу трудно описать. Братья были в самом романтическом настроении. Ничто не предвещало беды. Мать, думая о чем-то своем, потихоньку собирала деньги на учебу сына. Она даже переговорила с младшим деверем: «Айналайын, возьми с собой Адий, он мечтает учиться. Он не будет тебе обузой, вот деньги, которые я приготовила для него». Деверек спокойно взял деньги и отошел. Пришло время отправляться в путь. Двоюродный брат Адий вдевает ногу в стремя, садится на коня. Вот он отъезжает. Адий, похолодев, с плачем кидается к нему, цепляется за стремя: «Ага, возьми меня с собой!» Вдруг видит недобрые глаза родственника, в следующую секунду, похолодев, чувствует, как с силой пихают его ногой в грудь, – затем земля уходит из-под ног. Он кубарем летит в сторону. Положив в карман деньги Газизы, как ни в чём ни бывало родственник спокойно уезжает. Мальчик лежит на траве, судорожные рыдания бьют его в плечи. Еще один жестокий урок жизни, их будет еще много. Такова доля безотцовщины. Через несколько дней, услышав шепоток злорадствующих аульных снох, он понял смысл поступка двоюродного брата. Таков был приговор старших родственников: «Зачем тратить деньги на учебу несмышлениша, что, хотите сделать из него начальника?» В ту ночь ему приснился сон. На своем иноходце он мчится через ночной лес, тени преследуют их, волчьи заливки мелькают в кустах. Но сильный иноходец, ускоряя бег, летит все дальше и дальше.

Однако желание учиться было неумолимо. Зов будущего был сильнее воли могущественных родичей по старшей линии. Был весенний месяц. Повсюду таяли снега. Над горами высоко-высоко пролетали стаи гусей, летевших на север. Их гортанные крики томили душу и звали куда-то в дали. Судьба привела одного путника. Им оказался проходящий мимо пастух из другого аула. Он искал человека, знающего русский язык, ему нужен был толмач-помощник в работе. Услышав его слова, Адий выбежал на улицу, улучив момент, подвел коня к человеку, собравшемуся уезжать. Это был знак уважения. Когда гость был уже в седле, Адий со всей почтительностью обратился к нему и сказал, что достаточно знает русский язык, владеет письменной грамотой и надеется, что его возьмут на работу. Пастух был обрадован и назвал свое условие – у Адий должна быть своя лошадь. Тогда мальчик с гордостью показал на пасущегося невдалеке серого иноходца. Удовлетворенный пастух назвал место, куда должен был явиться Адий на следующий день. Было нетрудно найти это место. Адий хорошо знал эти края. На следующий день с утра пораньше он уже ждал там нового знакомого.

Выяснилось, пастуха звали Байбол, а его жену Гульжан. Они пасли немалую колхозную отару. Как оказалось, в отаре числилось 700 овец, несколько десятков голов было в числе неучтенных, эта практика всегда применялась в скотоводческих хозяйствах Советского Союза, она была обычной. Байбол объяснил Адий, что за счет неучтенных овец они будут питаться, кроме того, нужно постоянно составлять акты на списание, так как бывает падеж скота по естественным причинам (болезни, нападение волков и др.). Контора мясокомбината находилась в селе Кокпекты (ныне это районный центр в Восточном Казахстане). Задача Адий заключалась в грамотном составлении этих актов, кроме того, он должен был помогать пастуху в качестве подпаса. Зарплата ему была определена в 75 рублей. Услышав эту цифру, Адий почувствовал себя на седьмом небе от радости.

Гульжан и Байбол оказались доброжелательными людьми, они относились к Адий как к родному человеку, берегли его, по мере возможности заботились о нем. Гульжан прекрасно готовила, особенно удавались ей баурсаки. Адий и Байбол посменно пасли овец, порой мальчику приходилось выходить и в ночную смену. Она не пугала его, потому что при отаре были четыре сторожевых пса, обученных и натасканных на волка. Самым сильным был огромный черный пес, он обычно кружил вокруг отары, не позволяя овцам отдалиться от основной массы. В полдень Адий обычно пригонял отару к загону, скучивал овец в плотный гурт и шел в юрту обедать. Овцы оставались под охраной собак. Байбол то и дело уезжал с отчетами и актами в Кокпекты, и тогда отара оставалась на попечение Адий и Гульжан.

Шли дни, Адий окреп, чувствовал себя уверенно. Он постигал премудрости пастушьей работы. Живописные места у устья двух рек, Иртыша и Курчума, увлекали его воображение. Глубокие заводи сине-зеленой воды в окружении зарослей камыша или густых ивовых тугаев и пугали и манили к себе. В реках, как он слышал от рыбаков, водился огромный осетр, сколько ни пытался подросток представить себе рыбу больше, чем взрослый мужчина, это ему никак не удавалось. Над безбрежным полотном озера Зайсан вереницами летели стаи белых лебедей и серых журавлей. По лугам бежали голенастые дрофы и взлетали, вытянув длинные шеи. С отрогов Алтая из диких мест по оврагам и саям пробирались волки, они шли на запах отары. Однажды Байбол попросил Адий выйти вместо него в ночную смену. Вид у него был неважный, его знобило. «Хорошо, ага, я выйду, вы оставайтесь дома и лечитесь», - с готовностью сказал Адий, с сочувствием глядя на Байбола.

Ночью возле отары нужно быть особенно бдительным, нельзя дремать, и все время нужно окликать собак, чтобы те не спускали глаз с овец. Адий пас отару до полуночи, затем пригнал ее к загону и скучил ее в гурт. Сам принялся расхаживать вокруг отары. Ночь была сумеречной, слабо освещенной луной. Перхали, успокаиваясь овцы. Вдруг показалась какая-то тень. Адий, напрягая зрение, насторожился. Незнакомая собака бежала к овцам, за ней в отдалении трусила другая. Нечто шепнуло Адий, что это волки. Он даже не успел испугаться. Черный сторожевой пес, который был недалеко от него, припал к земле, пристально наблюдая за волком. Точно также припал к земле и второй пес. Когда волк был уже рядом с отарой, черный пес кинулся к нему, собака и зверь сцепились в смертельной схватке. Овцы шархнулись в сторону. Адий кинулся заворачивать овец. Он кричал во все горло, науськивая других псов. Показались остальные два

пса, они мчались наперерез второму волку. А с первым хищником дрались уже две собаки. Они то катались рычащим мохнатым клубком, то вставали на задние лапы, страшно щеря пасти и силясь схватить друг друга за горло. Но вот второй волк кинулся в бегство, и тогда все четыре пса принялись рвать со всех сторон попавшего в западню первого зверя. На шум прибежали Байбол и Гульжан. Байбол на бегу волочил дубинку. «Заворачивай!» – крикнул он Адий, а сам кинулся к волку. С трудом удалось мальчику остановить и завернуть обратно отару. Он подогнал ее к загону и там увидел длинно распластанного зверя. Над ним стоял Байбол и мрачно разглядывал расплюснутую морду зверя. Ощетинившиеся псы продолжали рычать. «Ты молодец! – сказал Байбол Адий. – Не растерялся, не убежал». «А вы храбрец! – воскликнул восхищенный Адий. – Вы убили волка!» В ту ночь они не спали почти до утра. Охраняли отару и делились впечатлениями случившегося.

Незаметно в трудах и заботах прошло лето. Близилась осень. Адий поделился с Байболом мечтой об учебе. «Где ты хочешь учиться?» – спросил пастух. «В Семипалатинске», – ответил Адий. – Хотя там у нас нет родственников, как-нибудь справлюсь. Приживусь, привыкну». И в самом деле, после такого трудного, но славного лета он поверил в себя. Он чувствовал, что возмужал, сил прибавилось. Жизнь смотрела ему прямо в глаза, и он не отворачивал взгляда. «Хороший у тебя иноходец, – похвалил серого коня Байбол. – Несет тебя ровно, и так плавно покачивает». Затем он сказал, что в Семее у него проживает племянник, можно остановиться у него. Обрадованный Адий кивал головой, растроганно шмыгал носом. Он получил зарплату за два с половиной месяца, денег должно было хватить. Гульжан положила ему в хорджун запас еды на дорогу и еще какой-то сверток. Адий удивленно взглянул, Байбол же пояснил, что это шкура волка, она может пригодиться в городе, ее можно будет выгодно продать на базаре. «Это же ваша законная добыча!» – воскликнул Адий. «Нет, шырагым, и твоя тоже, ведь ты не растерялся тогда, позвал нас на помощь. А мне напиши на всякий случай несколько актов», – сказал, улыбаясь, Байбол. Адий на всю жизнь запомнит лица Байбола и Гульжан, ведь они приютили его как родного сына.

В Семипалатинске Адий после недолгих поисков нашел дом племянника Байбола. Он и его милостивая жена приветливо встретили Адий. Узнав о планах гостя учиться, они, не раздумывая, предложили ему жить у них в доме. Так Адий смог продолжить обучение и завершил полный школьный курс. Эти годы принесли и тяжелую утрату. В 1930 году после тяжелой болезни скончалась мать, незабвенная Газиза. Адий долго горевал. Он понял, что детство для него закончилось, это было начало пути одинокого взрослеющего джигита.

До 1932 года Адий еще в Семипалатинске. Не прошло еще двух лет после смерти матери. Нужны были деньги, нужна была одежда, еда. Адий, не завершив каникул, раньше срока возвращается в город, он устраивается грузчиком на хоздворе железной дороги. Работа грузчиком – это чисто мужская работа. Постоянная переноска на собственной спине тяжелых грузов закаляет организм и дух молодого человека.

Однажды возникла необходимость перебраться из Улкен Семей в Жана Семей. В те времена между обеими частями города моста не было. Через реку ежедневно ходил паром, однако в тот день его почему-то было не дожидаться. Сев на лодку с одним гребцом, Адий переплыл на другой берег Иртыша. Как только сошел на

берег, увидел страшную картину. Весь этот берег был сплошь завален телами людей. Это были изможденные, почерневшие тела умирающих или умерших от голода. И не было конца бесконечно длинным рядам распластанных навзничь или уткнувшихся ничком в песок тел. Тем не менее некоторые все еще шевелились, проявляя признаки жизни. Адий сконцентрировал взгляд на ближайших телах и увидел младенца, который из последних сил сосал грудь мертвой матери. Чмокнув пару раз, он отрывался от груди матери, оглядываясь по сторонам, начинал жалобно хныкать. Ребенок был крайне истощенный, опухшая голова едва держалась на тощей шее, сквозь кожу ног, похожих на камышинки, казалось, просвечивали косточки. Адий до такой степени напугало увиденное, что ему почудилось, – сердце с бешеным стуком вот-вот вырвется из груди. «Кто довел этих людей до такого состояния? Где начальники, уполномоченные, которые обычно попадают на глаза каждый день? Как они могут усидеть в кабинетах, когда такое количество народа умирает от голода?» – вспыхивали безответные вопросы в воспаленном мозгу. В глаза бросилось следующее – молодой человек, сидевший на низкой табуретке на краю песчаного обрыва. Изможденный джигит с остро выступающими скулами, глубоко запавшими щеками держал в худых костлявых руках старый кобыз и еле-еле водил смычкой по натянутым конским волосам; стонущий звук, казалось, сочился из самих бесплотных, угасших рук с отчетливо проступающими фалангами кистей. Но вот звук усилился, в воздухе поплыла низкая протяжная мелодия, временами напоминая то рев верблюдицы, то бляние овец, то ржание лошади. Глубокая неизъяснимая печаль сквозила в каждой ноте этой скорбной, хватающей за душу музыки. Тоска железной хваткой стиснула сердце Адий, на глазах навернулись горькие слезы. Он стоял с беспомощным, растерянным видом. Однако, что было в его силах? Мимо по своим делам проходило немало горожан. В основном они шли с равнодушным видом, не обращая внимания на протянутые к ним руки умирающих людей.

Все еще в ступоре, в небывалом смятении Адий поднялся по откосу к джигиту с кобызом и остановился рядом. В отличие от лежавших на песке людей, джигит, видимо, сохранил остаток жизненных сил. Он посмотрел на Адий исподлобья, глаза были залиты мутью безысходной тоски. «Светик, что ты здесь ищешь? Убирайся отсюда, пока цел. Иначе тебе несдобровать среди голодающей людей», – сказал он Адий.

– Ага, откуда вы пришли? – спросил Адий дрожащим голосом.

– Зачем тебе знать, откуда мы и куда держим путь? Когда мы вышли из Абралы, нас было много. С каждым днем нас становится все меньше и меньше. По дороге умерли мой единственный сын и жена. Бедняги, я собственными руками закрыл им глаза, – джигит вытер рукавом глаза и отвернулся в сторону. Между тем показалось несколько телег. Те из голодающих, кто были живы, поднялись с земли и направились к повозкам...

Так подросток Адий лицом к лицу столкнулся с картиной жуткого голодомора, за два года унесшего на тот свет не меньше половины казахского народа. Масштабы голодомора и его фактические причины были еще неведомы ему, однако потрясение от увиденного было столь велико, что оно, словно глухая зубная боль, засело в глубине всей его сущности. Память об этом стала как бы постоянным свойством его внутренней жизни. Она, эта боль, из года в год все настойчивей вела к иному мировоззрению, к переосмыслению истории народа с неуклонно

нарастающим критическим отношением к идеологии и практике большевизма.

А в тот далекий день 1932 года в Жана Семее он с трудом добрался до дома дяди, Фазыла Кайранбаева. Тот работал зав.отделом образования Восточно-Казахстанской области. Дяди дома не было. Адий, шатаясь, поднялся по ступенькам крылечка. Перед глазами стоял туман. Казалось, в голове кружилась туча мельтешащих черных точек. Навстречу, приветливо улыбаясь, вышла женгей. Адий, не в состоянии что-либо внятно объяснить, беспомощно взглянул на женгей глазами, полными слез. Откуда-то сбоку наплывали и наплывали истощенные, с ввалившимися щеками посиневшие лица мертвых и умирающих от голода людей. Адий ни слова не говоря, прошел в переднюю комнату и бессильно опустился на текемет с черно-белым орнаментом. Он сидел, опустошенный, лишенный всякой жизненной энергии. Отворилась дверь, в комнату торопливо вошел дядя Фазыл с портфелем в руках. Увидев напуганную жену и племянника, беспомощно сидящего на полу, он положил портфель на стул и спросил с озабоченным видом:

– Отчего вы так напуганы? Да на вас лица нет. Что случилось?

– Я испугалась, увидев, в каком состоянии пришел Адий, – объяснила женгей.

– Адий, ты приехал из Улкен Семея? – спросил дядя.

Адий, с трудом сглотнув ком в горле, кивнул головой.

– Ну, тогда мне понятно, что так ошеломило тебя. Ты, конечно, увидел голодающих людей, пришедших из степи? Так это?

– Да, видел.

– Бедняги, большинство дошло до крайней степени истощения. В прошлом году в степи повсеместно образовали колхозы, скот обобществили и согнали в центр. И никто не подумал загодя заготовить корм скоту на зиму. Зима была суровой и долгой, ну и понятно – произошел массовый падеж скота. Однако, как будто этого было мало, приехали из Алматы уполномоченные и привезли вести. Оказывается, в Алма-Ате выступил Первый секретарь Крайкома партии И. Голощекин. Он объявил указ: «Несмотря ни на что, обобществить скот по всей республике». Ретивые исполнители же всегда найдутся. Принялись отбирать у людей последний скот и даже запасы мяса. И стали степняки вымирать, словно мухи осенью. А самое главное – невозможно громко сказать правду о происходящем. Если приезжают люди из степи с горькой вестью о голоде, им тотчас затыкают рот, дескать, вы против политики коллективизации, исключим из партии, засудим! В верхах нет людей, готовых выслушать голодающих и принять меры к их спасению. Вот и пришли к тому, что из-за любителей перегибать палку происходит массовая гибель людей по всему Казахстану, – с этими словами Фазыл ага сокрушенно махнул рукой и замолчал.

* * *

Детство еще дорого человеку воспоминаниями о самых близких родственниках, ведь жизнь состоит не только из больших событий и серьезных поступков, она заполнена массой всевозможных деталей, нюансов, мелких подробностей, некоторые из них светятся в памяти ярче эпохальных событий. Многое в жизни Адий было связано со старшим братом, Гани.

Гани – старший брат Адий – светлые, незабвенные странички из его жизни, связанные с яркими и дорогими воспоминаниями, во многом заменивший млад-

шему брату отца, рано ушедшего из жизни. Закончив обучение и став учителем в начальной школе, Гани взял заботы о семье на себя. По меркам нашего времени он был еще совсем молодым человеком, юношей. В период 1935-36 гг. семья находилась уже в Алма-Ате. В семье проживала и приемная девочка, Назымгуль, которая была на 8 лет младше Гайни. Ее родители в годы жестокого раскулачивания и коллективизации бежали в Китай, так как они были из сословия крупных баев. Если бы они остались в Казахстане, их гибель была бы предreshена. Назымгуль прижилась в семье, стала своей, так как Адий и она были ровесниками, детские шалости и проказы затевали они вдвоем. Так, например, когда Гани возвращался после службы домой и ложился отдыхать, Адий и Назымгуль крадучись пробрались в спальную и потихоньку вытаскивали из кармана старшего брата конфеты или кое-какую мелочь копейками, которые, надо полагать, Гани заранее припрятывал для них. Разумеется, Гани делал вид, что крепко спит, на самом деле он наблюдал за действиями младших. Содержимое кармана должна была обчистить Назымгуль, Адий же руководил ее действиями из дверного проема, жестами показывая девочке, как надо все осуществить. И каждый раз происходило одно и то же. Назымгуль, бледная от страха, подкрадывалась к кителю Гани, вытаскивала содержимое, затем, вместо того, чтобы также тихо выбраться из комнаты, неслась сломя голову, с грохотом опрокидывая встречные вещи. Невозмутимый же Гани по-прежнему играл роль крепко спящего. В будущем им суждено было стать любящими супругами, однако пока они этого не знали, детские игры занимали их воображение. Заботливый Гани как старший брат стремился баловать младших, при случае старался угостить их чем-нибудь вкусным.

Потомки Назымгуль потом будут вспоминать еще кое-что примечательное из отношений Гани и Назымгуль. Адий в это время уже учился на филологическом факультете Казахского педагогического института им. Абая, он жил в общежитии учебного заведения. Гани же проживал возле Парка федерации (современный Парк им. 28 героев-панфиловцев), квартира была в здании общежития для военных офицеров и партийных работников. Одной из соседок Гани была, например, Зухра Шариповна Ялымова, будущая жена Динмухамеда Ахмедовича Кунаева. Район проживания был выбран специально для удобства Адий, чтобы было ему недалеко ходить домой к родственникам, от здания института до этого общежития было рукой подать. Гани на обед ходил в офицерскую столовую, куда пропускали по специальному талону. По внутреннему уставу офицерам разрешалось приводить в столовую супругу. Подходя к столовой, Гани каждый раз строго наставлял Назымгуль, чтобы у входа на вопрос вахтера она отвечала, что является женой Гани. Назымгуль, конечно, обещала делать это, однако всякий раз у входа, не в состоянии произнести невинную ложь, словно обмирала от страха. И так происходило каждый раз. Раздосадованный Гани, пообедав в одиночестве, прихватив с собой сухой паек, консервы, выходил на улицу и принимался ругать Назымгуль за то, что она сорвала их планы. Назымгуль не смела прибегать к явной лжи, однако божественное тюркское небо, синевшее над их головой, давно знало, что они в другом времени давно являются любящими мужем и женой. Тем не менее сухой паек, который Гани приносил домой, так поддерживал силы нуждающейся семьи, особенно студента Адий.

Под влиянием матери и старшего брата, к тому же, быть может, сказались и гены Кайранбая, с малых лет Адий активно интересовался литературой. Обладая

хорошей памятью, он заучивал национальные эпосы, богатырские сказки, мифы и легенды, высказывания великих биев и шешенов. В школе, особенно в старших классах, он зачитывался произведениями Абая, С.М. Торайгырова, М. Жумабаева, М. Дулатова, Шакарима Кудайбердиева, И. Кубеева, Б. Майлина, И. Джансугурова, С. Сейфуллина, из классиков русской литературы он хорошо знал произведения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Глубокая, богатая идеями и духовностью литература исподволь развивает душу человека, его сознание и интеллект. В те годы духовным центром Казахстана был Семипалатинск, этот город, где часто бывали Абай, Ч. Валиханов, Шакарим, М.О. Ауэзов, лидеры движения Алаш А. Букейханов, А. Байтурсинов, жил в ссылке Ф.М. Достоевский, был своего рода генерацией лучших национальных интеллектуальных сил. Однако к тридцатым годам роль такого национального центра взяла на себя Алма-Ата, там открылись лучшие университеты и институты. Алма-Ата начала с огромной силой влечь к себе воображение и чаяния талантливой казахской молодежи. Наверное, поэтому Адий все-таки выбрал Алма-Ату городом своего сердца. Наверное, еще потому что школьная учительница Мария Ивановна много рассказывала ему об этом городе, советуя учиться именно там, где много писателей, газет и журналов, а главное – библиотек.

В 1934 году Адий уже в Алма-Ате. Начинается самая интересная и романтическая пора его жизни – студенчество. На вокзале в Семипалатинске было нелегко пробиться в давке и купить железнодорожный билет. Однако Адий помогли добрые люди. Он оказался в вагоне поезда, который тогда в народе называли «максимка». Общий вагон, в нем теснота, давка, спертый воздух, все места заняты, лечь некуда, можно лишь, скрючившись, присесть где-нибудь в уголке. И опять судьба послала везение – Адий познакомился с общительным, энергичным парнем по имени Леонид, ярко-рыжим, веселым. Помогая друг другу, поочередно меняясь местами, они скоротали ночь. А утром в окна широко и радушно глянула панорама Тянь-Шань – гор, невиданно огромных пирамид, словно отграненных рукой мастера, с белоснежным сиянием у вершин. Адий стоял в дверях вагона, жадно озирая глазами горы-великаны, щедрые разливы лесов по склонам и горным прилавкам, буйную, ярую кипень садов по всей долине. Картина была яркая, залитая светом, обещающая неизведанные радости, она показалась вселенским откровением, будто ты сразу попал на другую планету. Поезд задергалось, затрясло, залязгало железо буферов. «Приехали», – пронеслась в голове тревожная мысль. У кого он остановится, с чего начнется первый день его жизни в Алма-Ате? Здесь у него нет ни знакомых, ни родственников. Словно угадав его душевную сумятицу, подошел Леонид и, заглянув в глаза, спросил: «Куда ты теперь, есть где остановиться?» Адий замотал головой. Леонид, угадав его состояние, предложил: «Пойдем ко мне. У нас в доме хватит места всем, отец и мать только обрадуются». Адий, помявшись, согласился. Они шли по улицам Алма-Аты, широким, обсаженным белыми пирамидальными тополями, вдоль улиц звенели и лопотали стремительными ручьями арыки, воздух был свеж и благоухал наливающимися плодами. Яблони росли по всем дворам, они же красовались и на скверах, придорожных посадках. Невиданной величины, розовые и желтые шары яблок, – такая щедрость природы поражала воображение. Нечего и говорить – Алма-Ата с первого взгляда понравилась Адий. Родители Леонида оказались приветливыми и гостеприимными людьми. Они были счастливы уви-

деть сына и были рады его другу. Адий еще не раз побывает в этом доме, не раз угостится вкуснейшим борщом Вассы Афанасьевны, матери Леонида.

Они ночевали на сеновале в саду, запах трав и спеющих яблок кружил голову даже во сне. На следующий день Леонид и Адий вдвоем поехали в центр города, где находился институт. Они пересекли большой парк с огромными дубами и стройными елями и вышли на улицу Советская. Впереди показалось нарядное здание. На двери красовалось объявление «Приемная комиссия» – это и был педагогический институт. Сдав документы, ребята прошли дальше по Советской улице, свернули и оказались на небольшой, затененной деревьями улице. Они нашли здание, половина которого была одноэтажной, а другая половина – двухэтажной. Это и было общежитие. Комендант показал Адий комнату, где стояло с десяток железных коек с матрацами, застеленными простыми солдатскими одеялами. За небольшим окном виднелась стена деревьев, листья трогали стекла, словно просились в комнату. Адий выбрал себе койку возле двери. Здесь ему предстояло прожить несколько лет студенческой поры. Устроившись в общежитие, Адий на следующий день вышел побродить по городу. Алма-Ата, светлый город с невысокими красивыми зданиями, широкими проспектами, прямыми улицами, заполненными деревьями и кустарниками, так, что казалось, что дома выстроены прямо в лесу, ему нравилась все больше и больше. Над дверями одного здания он прочел вывеску «Публичная библиотека имени А.С. Пушкина» и радостно воскликнул: «Нашел!» Это и есть то, что ему нужно. Сюда он будет ходить часто, даже очень часто. Не мешкая, Адий записался в библиотеку. Некоторые абитуриенты, с которыми он успел познакомиться в общежитие, посмеивались над ним, дескать, не успел приехать – сразу в библиотеку. Однако Адий не обращал на них внимания. У него в кармане лежал список произведений, которые надо было прочитать до экзамена: Б. Майлин «Коммунистка Раушан», С. Сейфуллин «Тернистый путь», И. Джансугуров «Кюй» и многое другое. Эти произведения он читал еще в школе, однако с тех пор кое-что позабылось, надо было освежить в памяти сюжеты, образы, отношения персонажей. В библиотеке ему всегда нравилось, здесь он чувствовал себя комфортно, эти ощущения сохранились еще с Семипалатинска. Запах книг, пестрые обложки, манящие в неизведанные миры, задумчивые лица людей, погруженных в чтение, негромкие голоса, покашливание, улыбки библиотекарей, – все это было родное, понятное с детства. Зайти в библиотеку было для Адий все равно, что вернуться домой. Поэтому под влиянием этих ощущений он почти каждый день пропадал в библиотеке, это было непонятно товарищу по комнате Хакиму, который все время приставал к нему, приглашая погулять по городу, сходить в кино, познакомиться с девушками, то есть развлечься. В библиотеке, усевшись за длинным столом, открыв книгу, Адий с головой погружался в увлекательный сюжет романа С. Сейфуллина «Тернистый путь», забывая обо всем на свете, он следил за движением души и мысли отважного героя, попавшего в вагон смерти белоказаков-анненковцев. Бурные события, перипетии революции и гражданской войны увлекали романтически настроенную душу Адий. Нужно было прожить целую жизнь, чтобы познать развитие эпохи. Нужно было вырасти духом и интеллектом, чтобы понять, что в революции и гражданской войне тоже было много жестокого, излишнего, ненужного, слишком много жертв, в том числе принесенных и казахским народом. Но до этого было еще далеко, он

был слишком юн, за окном зеленым огнем пылало алматинское лето, по тротуарам гуляли сплошь красивые девушки, аудитории пединститута ждали его пылкого штурма; поэтому ему было не до исторического анализа, ему нужно было просто много читать, в том числе и по химии и математике, так как в те времена на филфаке сдавали экзамены и по этим дисциплинам.

Но вот первый экзамен. Адий заглядывает в билет – Ура! Первый вопрос – роман С. Сейфуллина «Тернистый путь». Ясное дело – Адий получил отличную оценку. Через несколько дней второй экзамен, на этот раз по химии. Адий был напряжен, скован, со лба скатывались капельки пота. Вопрос казался ему запутанным, непонятным. Однако, взглянув в лицо экзаменаторши – миловидной русской женщины, доцента Литвиновой, увидев ее добрые внимательные глаза, он успокоился, вновь изучил вопрос и увидел способ решения. Такие задачи он не раз решал в школе с учительницей, и, хотя было нелегко, каждый раз получалось, получится и на этот раз. Глубоко вздохнув, Адий перевел дыхание, погрузился в решение задачи. Он не сомневался – все будет хорошо. И по химии он получил отличную оценку. На первых двух экзаменах отсеялось много абитуриентов, оставшиеся не сомневались – они поступят. Так оно и произошло. Пришло время, когда Адий нашел на доске объявлений в длинном списке зачисленных на первый курс филологического факультета и свою фамилию. Рядом с ним стоял Леонид. Он пришел порадоваться за своего друга. В тот день они поехали погостить к родителям Леонида. Их опять ждал вкуснейший борщ, ласковая улыбка Вассы Афанасьевны и интересные истории Бориса Акимовича, прекрасного рассказчика помнившего события гражданской войны так, словно это происходило только вчера. Адий был взволнован, он чувствовал доверие и расположение этих хороших людей, которые, видя в нем друга Леонида, поверили в него, в его способности, силу характера. Вечером, засыпая на сеновале в саду, он шептал для себя, словно молитву, одну фразу: «Я должен стараться!»

И вот первая лекция. Ее должен был читать знаменитый писатель, любимец молодежи, поэт и государственный деятель Сакен Сейфуллин. Вот в институтском дворе появился высокий, стройный человек в отличном черном костюме с тросточкой в руках. Как он был элегантен, как легко шел, помахивая тросточкой! Черные усы оттеняли белое свежее лицо, большие черные глаза отливали смолюю. Интерес к лекции поэта был настолько велик, что аудитория была переполнена, в ней находились не только первокурсники, но старшекурсники, молодые преподаватели, аспиранты. Сакен Сейфуллин говорил легко, свободно, на память цитируя тексты из разных книг, высказывания великих писателей и исторических деятелей. Большое значение придавал он устной народной литературе, которую знал очень хорошо, мог наизусть прочитать большие фрагменты из героических эпосов и богатырских сказок. Адий заворожено слушал. Горизонты эстетики и философии раскрывались перед ним с необычайной отчетливостью, магически выразительный голос лектора уверенно вел по мирам литературы. Сакена Сейфуллина он был готов слушать много часов подряд, – так поражали знания этого красивого человека, четкая дикция, умение говорить по памяти, размышления, строй сложных умозаключений. Сакен Сейфуллин легко владел обоими языками, казахским и русским, мог по ходу лекции свободно переходить с языка на язык. Это тоже нравилось ребятам, большинство которых приехало в столицу из далеких аулов.

В здании пединститута на третьем этаже находился кабинет Ильяса Джансугурова, на тот период занимавшего должность Секретаря правления Союза писателей Казахстана. Эта организация тогда еще не имела своего отдельного здания. Поэтому в коридорах факультета можно было встретить известных на всю республику писателей, Беимбета Майлина, С. Муканова и др. И это тоже очень нравилось Адий. Он чувствовал себя в центре литературных событий, он хотел знать все, поэтому много читал, дни напролет проводил в библиотеке. Это его старание и прилежание на факультете заметили. Курс русской литературы на филологическом факультете читал доцент Митрофан Семенович Сильченко, высокий светлолицый блондин. Он всегда ходил в строго черном костюме, вышагивал по аудитории важно, степенно, аккуратно ставя ноги. Студентам он нравился, тем не менее некоторые насмешники взяли за обычай передразнивать его манеру читать лекции, ходя по аудитории. Иногда после лекций он оставлял для бесед Адий, расспрашивая его о студенческих делах. Он заметил, что Адий говорит по-русски косноязычно, с сильным акцентом. «Это может помешать дальнейшей твоей учебе», – сказал он и задумался. Затем предложил дополнительно заниматься по русскому языку, и вдруг вовсе поразил Адий, пригласив домой к себе в гости. В беседе Адий узнал, что М.С. Сильченко родом из Воронежа, оказался в Казахстане по направлению как молодой специалист после окончания университета. Алма-Ата ему очень понравилась, и он остался здесь навсегда.

В квартире Сильченко М.С. его поразили исключительная чистота и порядок во всех вещах, чувствовалась заботливая женская рука. В кабинете хозяина все стены были заставлены полками с книгами. Книг было великое множество. «Неужели один человек может все эти книги прочесть и держать их потом в голове?» – с робостью думал Адий, осматривая книжные полки. Его угостили чаем. Жена Сильченко Антонина Викторовна преподавала русский язык в средней школе. Ей и предстояло дополнительно заниматься по русскому языку с Адий. Она уже подобрала для него тексты А.С. Пушкина. Антонина Викторовна была доброй и очень предупредительной женщиной, Адий понял, что ему будет легко заниматься с ней. Он должен был приходиться на квартиру Сильченко три раза в неделю, вскоре он почувствовал заметные успехи в произношении русских слов и расширении их запаса.

Одна из постоянных проблем в жизни студента, проживающего в общежитии, – вечная нехватка денег. Она особенно становилась острой к концу месяца, когда до стипендии оставалась одна или две недели. Приходилось занимать несколько копеек у более обеспеченных товарищей и перебиваться хлебом и водой. А ведь товарищи дружили с девушками, водили их в кинотеатр, а то и в кафе, что считалось высшим шиком. В этом преуспевал Хаким, который любил прихвастнуть перед Адий, рассказывая о своей очередной победе над прекрасным полом. Однажды Адий остался вовсе без денег, и занять было не у кого. В тот день, огорченный и слегка голодный, остро чувствуя запахи еды, которые доносились из всех открытых форточек городских домов и распахнутых окон столовых, он проходил мимо хлебобулочного магазина. Аромат свежеспеченного хлеба кружил голову. И вдруг в глаза бросился толстенький бумажник, который лежал на земле у входа в магазин. Прохожих поблизости не было. Оглянувшись по сторонам, Адий подобрал находку, отошел в сторону за угол и открыл бумажник. У него перехватило дух – перед ним красовались новенькие ассигнации, все

десятки, пятерки... Минуту он стоял в ступоре, в ушах мерещился вкрадчивый шепот, который уговаривал его оставить деньги себе: «Ведь ты бедный студент, к тому же сирота, надеяться не на кого. Само небо послало тебе такую удачу». И тут же Адий представил себе лицо человека, потерявшего бумажник, темное от нервного расстройства, хмурые глаза, и почему-то это лицо было похоже на лицо отца Леонида. А ведь Борис Акимович, глядя на заношенные штаны Адий, однажды приказал жене отдать ему новенькие брюки Леонида. И она безропотно вытащила из комода отглаженные брюки.

Адий осматривал кошелек, ему было не по себе, в одной складке он заметил сложенную бумажку, это был надорванный конверт, на нем был написан адрес «улица Талгарская». И он поехал искать этот дом. Нашел уже, когда близился вечер. Несмело постучал в двери. Открылась дверь, в ярком свете лампочки выглянуло расстроенное мужское лицо, потом показались взъерошенные детские головки, одна, вторая, третья, пятая, шестая. Сколько детей, вот это да! «Чего тебе?» – недовольно спросил мужчина. Адий молча показал бумажник. Мужчина уставился на бумажник, грубое его лицо вдруг озарилось радостью. Он моментально все понял. «Выходя из магазина, я, наверное, сунул мимо кармана», – торопливо объяснял он подошедшей жене. Супруги пригласили Адий домой, угостили чаем и все расспрашивали, как был найден бумажник. Когда Адий собрался уходить, мужчина вышел следом на крыльцо и быстро сунул ему в руку десятку. «Ты выручил нас. Это же целая зарплата. Месяц семья сидела бы голодной. Это тебе и по вашему, и нашему обычаю суюнши. Бери, парень, не отказывайся! Ты же студент!»

Этот случай Адий потом вспоминал не раз, и был благодарен судьбе за то, что поступил правильно, по-человечески. Ведь он был воспитан мудрой Газизой, матерью, а отца не помнил совсем. Мать знала множество пословиц и поговорок; приучая сына наблюдать за жизнью, особенно за поведением и поступками людей, замечая что-нибудь особенное, она обычно приводила какую-нибудь притчу или поговорку. Вот одна из них: «В злую пору голода забываем даже запах паленой кожи». Да, верно, Адий поступил так, как учила мать, ни один человек не сможет упрекнуть его в нечестности. А еще мать приговаривала: «Глупый человек не жалеет горла, в то время как умный не жалеет глаз». То есть она приучала познавать жизнь, внимательно наблюдая за происходящим вокруг, делая выводы. Как она была права. Оценивая поступки и действия товарищей-сокурсников, Адий вскоре стал понимать, что не у всех слова сходятся с делами. А то, что Хаким – человек ненадежный, проницательный, он убедился в этом еще во время приемных экзаменов, когда тот настойчиво требовал у Адий дать ему списать готовые решения задач. Истинный облик Хакима Тыныбекова откроется ему гораздо позже.

Секретарем комитета комсомола был Муқан Карасаев, привлекательный джигит, всегда аккуратно одетый. Он стремился привлекать первокурсников к активной общественной работе. С серьезными ораторскими способностями он очень чисто, без акцента говорил на русском языке. Однажды он вызвал к себе Адий и дал ему поручение подготовить доклад о творчестве Сакена Сейфуллина: «Ты комсомолец со стажем, любишь литературу и разбираешься в ней. Тебе не составит труда приготовить доклад и выступить с ним на очередной встрече с великим поэтом». Отказаться от поручения было невозможно. И Адий стал готовиться к докладу. Несколько дней просидел он в библиотеке, изучая статьи,

рецензии по творчеству Сакена Сейфуллина, вновь освежил в памяти содержание его романа, рассказов, стихотворений и поэм. Доклад должен был получиться основательным.

Адий принялся работать над предстоящим докладом. Однажды в читальном зале к нему подошел один из старшекурсников. Он скользнул взглядом по конспекту, удовлетворенно кивнул головой и, подумав минутку, сказал: «Вижу, ты стараешься. Это правильно. Ты должен знать, что на заседание литературного кружка придет сам Сакен Сейфуллин. Он хочет послушать тебя. Тебя можно поздравить с этой новостью». Эта весть буквально ошеломила Адий. Он почувствовал, как у него задрожали руки. Придет сам Сакен Сейфуллин? Неужели? Это, конечно, почетно для Адий, но страшновато выступать перед таким зубром литературы, как Сакен Сейфуллин. А вдруг доклад не понравится ему. Выходит, тогда Адий опозорится перед всем честным народом? Голова горела, словно в жару. Еще несколько дней он лихорадочно работал над сообщением, потом, аккуратно переписав конспекты в связанный текст, пришел на кафедру казахской литературы. В кабинете сидел молодой преподаватель Молдахмет Жондыбаев. Видимо, он кое-что знал, поэтому с сочувственной улыбкой посмотрел на взволнованного первокурсника. М.Жондыбаев славился среди студентов своей демократичностью, он был открыт для неформального общения, к нему мог обратиться с вопросом любой студент. «Ну, что ж, давай посмотрим твой доклад», – сказал он Адий, взял рукопись и принялся читать. По ходу он вычеркивал кое-какие предложения, дописывал свои, подчеркивал дельные мысли. В целом исправлений получилось не так много. Далее Жондыбаев вслух даже проинтонировал, в каком темпе надо читать доклад. По всему чувствовалось, что доклад ему понравился.

В назначенный час Адий открыл двери самой большой аудитории филфака. Она была битком набита людьми, слушатели сидели даже на подоконниках. Пришлось открыть двери для тех, кто остался стоять в коридоре – мест не хватало. Когда в дальнем конце коридора послушался шум голосов и приближающихся шагов, Адий почувствовал, как сильно забилося сердце, кровь прихлынула к голове. В толпе студентов показались гости, Мукан Карасаев, широким жестом показывая проход, вел за собой Сакена Сейфуллина, Ильяса Джансугурова, Беймбета Майлина. Но вот они уселись за столом президиума. Зал гремел аплодисментами, писатели, улыбаясь, кивали головой, Сакен Сейфуллин то и дело приглаживал густые черные, как смоль, волосы, зачесанные со лба на темя. Магический блеск его больших темных глаз завораживал.

Адий неуверенным голосом, запинаясь, начал читать свой доклад. Однако мало-помалу он приобрел уверенность, голос стал чище и звонче, он вспомнил, как надо интонировать предложения. Все-таки текст был написан крупным разборчивым почерком, сбиться было невозможно. Зал притих. Время от времени, отрываясь от текста, Адий окидывал взглядом зал и видел сочувственные лица сокурсников, сияющие глаза девушек, внимательные взгляды писателей. Возникла доверительная обстановка, зал был в его руках, можно было делиться мыслями, анализировать роман «Тернистый путь» не научными, правильными формулировками, а излагать свою точку зрения, объяснять именно свое восприятие героического сюжета. По вспыхнувшему взгляду С. Сейфуллина он понял, что нашел правильную струю. Когда он взволнованно стал говорить о том, как герой романа мужественно переносил пытки в вагоне смерти анненковцев, Сакен

Сейфуллин принялся поглаживать пальцем черный изгиб густых бровей. Но вот разразился шквал аплодисментов, Адий сошел с помоста трибуны и приблизился к столу. Сакен Сейфуллин вышел из-за стола и крепко обнял его, что-то заговорил, заглядывая в глаза. Однако Адий не различал слов, лоб взмокшел, по спине катились струйки пота. Ему было жарко, он словно горел в невидимом огне. Ему хотелось выбежать из зала, уединиться в комнате, чтобы в одиночестве обдумать все и заново пережить все, что сейчас произошло с ним. Однако Сакен Сейфуллин повернулся, поднялся к трибуне и принялся говорить. Зал теперь внимал ему, он снова притих.

Сакен Сейфуллин говорил о прошлом казахского народа, совсем недавно еще кочевавшего по бескрайней степи, не имевшего ни науки, ни техники, литература же в основном была в устной форме. Благодаря революции казахский народ получил возможность приобщиться к мировой цивилизации, новая система образования позволила тысячам талантливых юношей и девушек учиться в стенах институтов и университетов. Наступило то время, о котором мечтал великий Абай, время всеобщего народного просвещения и культурного расцвета. «Я уверен, – говорил Сакен Сейфуллин, то и дело проводя пальцем по брови. – Что казахскую литературу ждет великое будущее».

После этого случая Адий стал популярен на факультете. Преподаватели стали благосклонны к нему, старшекурсники останавливали в коридоре, поощрительно пожимали руку, дружелюбно хлопали по спине, девушки, проходя мимо, оглядывались на него. Однажды, послав студента, пригласил его к себе в кабинет Ильяс Джансугуров. Между ними произошел вот такой разговор:

– Хочу сказать о твоём докладе, – сказал Ильяс ага. – Мне понравилось. По всему видно, что ты кое-что знаешь о национальной литературе, понимаешь ее. Нам нужен такой человек. Нашей организации нужен помощник секретаря. Ты по своим качествам нам подходишь.

– Но я же еще учусь, к тому же преподаю на рабфаке, – неуверенно сказал Адий.

– Это делу не помешает, – мягко сказал Ильяс ага. – Ведь ты учишься до обеда, рабфак тоже до обеда. К нам можешь приходить после обеда. Мы назначим тебе зарплату. Будешь работать на законных основаниях. А от рабфака лучше со временем освободиться.

– Хорошо, я согласен, – ответил Адий, подумав.

– Ну, тогда пиши заявление о приеме на работу, я продиктую, – удовлетворенно сказал Ильяс ага и принялся диктовать своим густым бархатистым голосом. Так же он продиктовал короткий приказ о приеме Адий на работу на должность помощника Секретаря правления Союза Писателей Казахстана. Так начался новый период в жизни Адий Шарипова, когда ему пришлось тесно сотрудничать с такими известными писателями, как Ильяс Джансугуров, Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин, Сабит Муканов.

После обеда, оставив в своей комнате тетради и книги, Адий шел в кабинет Ильеса Джансугурова просматривать текущую почту, сортировать документы, среди которых были неотложные, срочные. Эти документы должен был просмотреть и лично подписать Ильяс Джансугуров. В кабинете часто бывал и Мажит Даулетбаев, которому Ильяс ага очень доверял. С Сабитом Мукановым Адий познакомился, когда тот заглянул к Ильяс ага после возвращения из Москвы.

Сабит Муканов, плечистый, рослый, стройный, с сильными руками напоминал палуана. Он учился в Москве на курсах красной профессуры. После радостных объятий Ильяс ага поинтересовался, как Сабит проводил время в Москве. Сабит Муканов кратко поведал, что написал два романа, которые вскоре собирался сдать в издательство. Он рассказал о сюжете этих произведений. Адий, разбирая документы, вполуха прислушивался к разговору двух писателей. Из их беседы он понял, что их интересы простираются далеко за пределы того, что он сам знал и понимал. Это были весьма эрудированные люди, которые легко переходили на сложнейшие темы государственной жизни, политики, событий за рубежом, национальной культуры, истории и, конечно, литературы. «Именно таким должен быть настоящий писатель», - подумал Адий, ему все больше и больше нравилась его новая работа. Он намеревался многому научиться у этих писателей с их широчайшим кругозором, огромным опытом жизни и острым взглядом на действительность.

Однако человек не может быть все время серьезным. Когда Ильяс Джансугуров, Беимбет Майлин и Сакен Сейфуллин оказывались вместе, становилось особенно интересно. Эти выдающиеся личности были к тому же большими шутниками. Как это принято у казахов, курдасы – ровесники обычно подтрунивали друг над другом, обмениваясь незлобными колкостями. Атмосфера веселья и радостного добродушия обычно окружала этих троих писателей, когда они были вместе. Слушая их веселые пикировки, Адий порой, забыв обо всем, принимался хохотать, хватаясь за бока. Частой темой их разговора был поиск отдельного собственного здания для Союза Писателей. Втроем они нередко бродили по городу, присматриваясь к различным домам. В конце концов, однажды они выбрали подходящий дом – срубное четырехкомнатное строение в центре города недалеко от института. Оформление и узаконение здания тоже заняло не так много времени. Наступил день, когда Адий, Мажит Даулетбаев с помощью нескольких студентов загрузили на две подводы все имущество Союза писателей и перевезли в этот дом. Теперь у писателей было в центре города свое здание, где они могли бы собираться и решать свои общие дела, обсуждать творческие задачи и их решения.

Ильяс ага был в приподнятом настроении. Однажды он сказал Адий следующее: «Я должен уехать из города. Две недели буду жить в доме отдыха в Бутаковском ущелье. Надеюсь за это время вполне закончить роман «Товарищи». Дней через 10-15 ты должен приехать ко мне в дом отдыха, забрать рукописи и отвезти машинистке, адрес которой ты хорошо знаешь». «Хорошо, Ильяс ага», - сказал Адий. Адрес машинистки он знал, не раз бывал у этой расторопной девушки, которой приходилось относить документы или рукопись для обработки на печатной машинке. Дом отдыха же находился высоко в горах, далеко за городом. Каменистая колея, петляющая по берегу Малой Алматинки, была непростой дорогой. Не каждый возничий согласится ехать туда. Все же Адий предстоящее задание нисколько не пугало, он был закален в детстве пастушеским трудом, часто выезжал в одиночку в далекий и опасный путь.

Две недели прошли незаметно. Понимая, что Ильяс ага уже, видимо, ждет его, Адий начал искать повозку. Обратился к нескольким возничим, однако, услышав про Бутаковское ущелье, все они отказались. И тогда Адий вспомнил про Хакима Мухамеджанулы Бактыбаева, председателя комитета облпрофсоюза. С ним, об-

ращаясь от имени Союза писателей, несколько раз приходилось пересекаться по работе. Х.М. Бактыбаев очень хорошо относился к Адий и почитал творчество Ильяса Джансугурова. У него была хорошая пароконная бричка, на которой он разъезжал по городу. Вечером Адий направился к дому Х.М.Бактыбаева, тот проживал в небольшом доме на пересечении улиц Пушкина и Тургеньская. Тот приветливо принял Адий, внимательно выслушал его просьбу и сказал: «Ильяс Джансугуров в доме отдыха «Просвещенец?» Значит, повозка тебе нужна на весь день. Хорошо, завтра в девять утра будь у канцелярии. Я поручу извозчику, чтобы приготовил коней».

В горах на свежем прохладном воздухе Адий вздохнул всей грудью, расправил плечи, настроение заметно улучшилось. Дорога петляла по дну ущелья, колея была проложена вдоль речки Малая Алматинка, то и дело приходилось объезжать громадные валуны с дом величиной. Ими было усеяно все ложе урочища. Поначалу склоны были пологие, поросшие кустарником, затем они круто пошли вверх, стали встречаться зубчатые скалы, башнями устремленные вверх. Лиственный лес сменился сосновым и еловым темно-зеленым строем. Берега речки сплошь заросли ивняком и горной рябиной, изредка попадались островки молодой березы или осинника. Трава на склонах была густая, рослая, буйная, чем выше, тем гуще становились альпийские луга с великим разнообразием цветов. Хребет Алатау напоминал горы Алтая, только был выше, гораздо массивнее, растительная природа заметно пышнее и богаче. Повсюду в глаза бросались заросли дикого урюка или дикой яблони, орешника, картина совсем нехарактерная для Алтая. Извозчик – молодой джигит негромко напевал песенку, больше для вида махал кнутом. Лошади тянули хорошо, без усилий. Тем не менее, им приходилось нелегко, особенно, когда колея пошла сплошь по гранитным проплешинам валунов, глубоко засевших в земле. Обитые железом колеса повозки скрежетали, скользили, норовя засесть меж камней. В самом ущелье пришлось сильно сбавить ход. Шум бурной воды, стук копыт, скрежет колес, пение птиц, гортанные крики фазанов, клекот ястребов – все это напоминало Адий картины жизни на джайляу Калбинских гор. Сцены жизни из детства проносились перед глазами. Белые юрты, косяки лошадей, конный пастух с куруком, мать в белом жаулыке, прядущая из вороха пуха нить, аромат кумыса. Незабвенная мать... Жизнь, она даже молодой душе причиняет неизъяснимую боль.

В полдень добрались до россыпи белых аккуратных юрт. Возле одной юрты на сырмаке, расстеленном на траве, лежал босоногий и простоволосый Ильяс ага. Завидев повозку, он приподнял голову. Молодые люди почтительно приветствовали писателя. Ильяс ага пригласил их в юрту. В центре юрты на круглом казахском столе красовалось большое тегене, до верху полное кумыса. Уготив гостей свежим, вкусным кумысом, Ильяс ага принял расспрашивать о новостях в городе. Все обстоятельно расспросил, поговорил и с извозчиком. Того звали Жолдыбай, джигит занимался извозом в городе несколько лет, родители состарились, сын занял место отца – потомственного возничего. Вскоре Жолдыбай, сославшись на то, что надо на время распрячь коней и напоить их, вышел из юрты. Ильяс ага был задумчив, новости из города понравились ему. Адий продолжал: «По улицам города пошел первый трамвай, в цирке палуан Хаджимукан проводил соревнование борцов, в филармонии Амре Кашаубаев затеял большой концерт, на улице М. Горького открылись новые магазины». Ильяс ага задумчиво

покусывал травинку, по всему было видно, что он хочет что-то сказать. Чувствуя это, Адий замолчал, выжидая.

– Похоже, с приходом Мирзояна наш народ постепенно стал приходить в себя. А в те недавние годы он сильно пострадал от голода, полегло много людей. Те, кто выжили, мало-помалу тянутся к жизни, – сказал, наконец, Ильяс ага, исподлобья глянув на Адий, в его глазах тлела глубокая грусть. То ли посчитав его слишком молодым для такой проблемы, то ли побаиваясь чего-то, он сменил тему разговора. Адий же весь загорелся, нетерпеливо ожидая продолжения столь важной и острой темы, которую нужно было понять, осмыслить. Собственных познаний и интеллектуальных сил на это, конечно, было недостаточно. Однако некстати появился Жолдыбай, и Ильяс ага стал торопить Адий с отъездом. Он подал ему толстую папку, перевязанную тесёмкой. Это был его новый роман, над которым он работал весь последний год.

По дороге обратно домой Адий все время размышлял над незаконченной фразой Ильяса ага на тему голодомора. Он догадывался, что Джансугуров, написавший несколько ярких произведений на тему традиционной жизни степного народа, например, поэму «Кюй», живет особой внутренней жизнью, во многом непонятной для молодежи, воспитанной в партийно-комсомольском духе. Все же Джансугуров принадлежал к другому поколению и видел иную эпоху, он был свидетелем грозных событий, гражданской войны, поговаривали, что был он и в рядах Алаша, в Семиречье боролся с белоказаками атамана Аненкова. Адий, несмотря на молодость, все же постоянно чувствовал, что существует острый интеллектуальный дефицит информации о реальном положении народа. Его информационные запросы в сфере социальной жизни и истории самого общества росли. Однако он побаивался затевать беседы на опасные темы, и для того была серьезная причина.

Он вспомнил, как на берегу Иртыша увидел бесконечные толпы простертых на земле умирающих и уже умерших людей. Вновь перед глазами ожила режущая по сердцу сцена – истощенный младенец с тонкими, словно тростинки, ножками, сосет посиневшую грудь мертвой матери, оглядывается, жалобно хнычет и снова сосет. Опять зазвучала в ушах скорбная мелодия кобызы – плач по погибающему народу, беззащитному и не имеющему права поднять голос упрёка. Да, самое тяжелое заключалось в том, что люди, знавшие о событиях в степи, о масштабах голодомора, не смели ни говорить, ни писать об этом, тем более – протестовать. Органы НКВД на местах бдительно следили за реакцией людей и решительно пресекали не только попытки возмущения и огласки, но и даже слухи. В этом Адий не раз убеждался на красноречивых примерах.

В 1933 году в Алма-Ату привезли несколько сотен голодающих людей. Часть из них была размещена в здании мечети (в данное время это Уйгурский национальный театр). Адий и Гайнидден Мусабаев, два студента, как комсомольцы были направлены к ним для проведения агитационной и пропагандистской работы. Во внутреннем помещении мечети, вновь увидев голодных людей с характерными синюшными лицами, ввалившимися глазами, с выступающими костлявыми скулами, Адий ощутил, как озноб пробежал по спине. В состоянии растерянности и страха он почувствовал, что толком говорить не может, голос пропал, из гортани выходил какой-то сиплый звук. Далеко не лучше чувствовал себя и Гайнидден Мусабаев. Все же он развернул газету «Енбекші казак» и попытался прочитать

какой-то материал. Его остановил белобородый старец, лежавший на полу. С трудом приподнявшись и сев, он сказал тусклым голосом: «Светик, не надо нам читать эту газету. Нам нужна еда, видишь, мы едва живые от голода». Гайнидден, отводя в сторону тоскливые глаза, замолчал, затем ответил старику: «Хорошо, ата. Мы сейчас пойдем и доложим начальству».

В институте ребята все подробно рассказали секретарю парткома института Дуйменову. Тот поднял телефонную трубку, куда-то позвонил. Затем повернувшись к джигитам, сказал: «Вы идите, занимайтесь своими делами. Люди с едой и лекарствами уже выехали туда...». Прошло две недели. Однажды Адий увидел в комнате общежития Гайниддена Мусабаева, собравшего вокруг себя толпу студентов. Он рассказывал им о голодающих людях. Ребята, бледные, подавленные, молча слушали его. А еще через несколько дней Адий узнал, что пришли несколько человек из НКВД и увели с собой Гайниддена Мусабаева. Стало ясно, что на факультете среди студентов есть стукач. Гайнидден Мусабаев провел в тюрьме шесть месяцев. Его обвинили в проведении политики, враждебной Советской власти. Вышел он на свободу через полгода, но это был уже другой человек. Он всякий раз пугливо оглядывался, осунувшийся, он заметно постарел, на висках появилась ранняя седина. Он переехал из общежития на квартиру, сокурсники боялись общаться с ним. Все же Адий решил поговорить с Гайнидденом наедине. Они встретились на квартире, где проживал Гайнидден. Это была небольшая затененная комната, в которой стояла одна только железная кровать. Закрыв дверь на крюк, Гайнидден долго молчал. Лицо его казалось усталым, каким-то старческим. Затем, решившись, друг начал свое нелегкое повествование. Оказалось, его допрашивали непрерывно несколько месяцев. Следовательно все время требовал, чтобы Гайнидден выдал своих, как он выражался, сообщников по преступной организации. «Ты не один, тебе помогали в твоей враждебной деятельности против Советской власти. Назови их, иначе пойдешь под расстрел», – угрожал следователь. Несколько допросов завершились сильным избиением Гайниддена. Его заставляли сутками стоять в кабинете на ногах, пока не отекут икры, не давали воды, две недели морили голодом. Однако Гайнидден не назвал ни одной фамилии. Выдать ни в чем не повинных людей – это казалось ему хуже самой смерти. К шестому месяцу тактика следователя изменилась, тон его стал мягче, он больше не поднимал руку на подсудимого. В конце концов, взяв с него подписку о неразглашении тайны следствия, его отпустили на свободу. Рассказав все это Адий, Гайнидден взял с него слово, чтобы он держал язык за зубами. Гайнидден не вернулся на учебу, взяв академический отпуск, он уехал к себе домой в Омск.

На филологическом факультете пединститута преподавали Сакен Сейфуллин, Кудайберген Жубанов, Молдагали Жолдыбаев, Митрофан Семенович Сильченко, Нина Сергеевна Смирнова, Шарафи Альжанов, Санжар Асфандияров, Александр Харламович Ленчевский и др. Большинство из них были известными на всю республику личностями, чьи имена притягивали к себе, как магнит, мыслящую любознательную молодежь. Однако, как выяснилось много позже, влияния именно этих людей на молодежь, на пробуждение национального и социально-политического самосознания общества боялась политическая верхушка сталинского тоталитарного общества. И хотя прошло всего несколько лет после тотального голодомора, охватившего Украину, Поволжье, Казахстан, жертвами которого стали более 9 миллионов человек, режим готовил обществу новые

жестокие испытания, которые должны были унести в мир иной еще миллионы жизней. Приближался период 1936-37 гг.

Газета «Экономика» дает нам такую справку: «С 1921 по 1953 гг. по политическим мотивам в Советском Союзе было осуждено более 5,5 миллиона человек, только в Казахстане осуждено было более 120 тысяч человек, расстреляно 25 тысяч человек. Особенно ужесточились репрессии в ходе проводившихся в стране экономических реформ. «Вредительством», «саботажем» объяснялись крупные издержки индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. С 1930 по 1953 год «за контрреволюционную деятельность» было осуждено 3771 тысяча человек, из них к расстрелу – 786 тысяч человек. Пик террора пришелся на 1936-37 годы, в ходе которых было расстреляно почти 650 тысяч человек. За редчайшим исключением из числа осужденных по ст. 58 УК РСФСР (за контрреволюционную деятельность) на свободу не возвращался никто. Всего по этой статье погибло 3 619 тысяч человек».

К этому материалу можно добавить, что из 25 тысяч человек, расстрелянных в Казахстане, более чем 22 000 человек были уничтожены именно в 1936-37 гг. Тотальный политический террор, развязанный на территории Казахстана, можно объяснить мстостью властей за деятельность политического движения Алаш, которое в годы гражданской войны смогло создать автономное государство, собственную армию и возглавить национальное движение в Средней Азии. (5)

Нет сомнения в том, что политическое руководство СССР сталинских времен преследовало в Казахстане стратегическую цель – полностью обезглавить ополовиненный после голодомора 1930-32 гг. народ, уничтожив мыслящую, образованную интеллигенцию, ее ментально самостоятельный слой, который смог бы вновь организовать этногенез одного из самых крупных на то время тюркских народов. Именно этим объясняется то, что в 1936-37 гг. органы НКВД начали арестовывать по 58-й политической статье учителей, преподавателей вузов, писателей, журналистов, ученых, инженеров, мулл. Их голословно обвинили в троцкизме, в шпионаже в пользу Турции, Германии, Японии, Англии и т.д. Многие были расстреляны.

В эти годы тучи сгустились и над потомками кажы Кайрамбая, мы уже писали об этом. Неуверенно чувствовал себя и Адий. Конечно, кое-что он узнавал от старших родственников, в частности, от брата Гани, от братьев отца, с которыми он поддерживал отношения, некоторые из них жили в Алма-Ате и Семипалатинске. Однако главным фактором была атмосфера напряженности, взаимной подозрительности и страха, которая захлестнула казахстанское общество в 1936-37 гг. Студенты обратили внимание на то, что на занятия по расписанию не явились некоторые знаменитые профессора, К. Жубанов, С. Асфандияров, Ш. Альжанов, М. Жолдыбаев, необъяснимым образом исчез из виду целый ряд студентов-активистов. А потом мгновенно разлетелся слух об их аресте чекистами НКВД. Народ затаился в предчувствии недоброго, а люди продолжали пропадать. Их увозили в основном по ночам, к дому человека или общежитию подъезжала черная крытая машина, выходило несколько человек, обычно офицер НКВД и несколько рядовых. Люди входили в здание, а потом после некоторого обыска выводили арестованного. При этом за всем этим кто-то следил в окно из-за сдвинутой занавески. Так по городу разлетались зловещие слухи. Черным призраком беды облетел весь народ слух об аресте Сакена Сейфуллина.

Однажды к Адий подошел один сокурсник и шепотом сказал ему:

– Ты ничего не слышал?

– Нет, ничего.

– Если нет, отойдем в сторонку, я кое-что тебе скажу. Два дня назад как врагов народа арестовали Ильяса Джансугурова и Беймбета Майлина.

– Это правда?

– В таких делах врать нельзя.

Было от чего насторожиться студенту Адий Шарипову, ведь он был помощником Ильяса Джансугурова, выполнял его поручения. Однако беда подстерегала его совсем с неожиданной стороны. К этому времени уже были арестованы брат отца Дусуп, его сыновья Тауфик, Опа, а в 1937 году арестованы младшие братья отца Фазыл, позднее Садык, и один из родственников Курмаш (в этом же году они были расстреляны). Потомки кажы Кайрамбая жили в ожидании неумолимого ареста, кое-кто из них был вынужден бежать в Китай.

Особенно тяжелое впечатление на Адий произвела весть об аресте профессора Кудайбергена Жубанова. Это был его любимый преподаватель, и не только его. Кудайбергеном Жубановым почитала вся студенческая молодежь, молодые преподаватели, аспиранты. Он был широко известным человеком, необыкновенно мягким по натуре, демократичным в общении, простым и очень добрым человеком. Он был выдающимся филологом, основоположником теории казахского литературного языка, диалектологии, целого ряда направлений казахской лингвистики. Его лекции по общему языкознанию были блистательными, он глубоко вводил студентов в проблемы языка и мышления, в сопоставительную лингвистику. Сравнивая казахский язык с родственными тюркскими языками, например, кыргызским, узбекским, ногайским, татарским и другими, он показывал типологические особенности казахского языка как особого кипчакского диалекта в семействе с такими языками, как ногайский, каракалпакский, кумыкский, балкарский, карачаевский, которые были наиболее близкими к нему, отличаясь всего одной или двумя фонемами. Таким образом через сопоставительное языкознание он вводил студентов в сферу особой науки, в те времена полузапретной, а именно тюркологии. Все это особым образом развивало лингвистическое и философское сознание студентов-казахов, большинство которых было из далеких аулов, и, надо признать, еще не обладало даже национальным сознанием.

В тридцатых годах культура Казахстана переживала расцвет, в нее вошла такая плеяда звезд, как Иса Байзаков, Амре Кашаубаев, Калибек Куанышев, Елубай Омирзаков, Куляш Байсеитова, Шара Жиенкулова, Курманбек Жандарбеков, Манарбек Ержанов, Серали Кожамкулов, Канабек Байсеитов, Капан Бадыров и мн. др., артисты, певцы, исполнители традиционной музыки. Активно развивалась кинематография, появились выдающиеся спортсмены, художники, танцоры. Особенность преподавания К. Жубанова, брат которого Ахмет Жубанов был профессором консерватории в Алма-Ате, композитором, дирижером, основоположником теории традиционной музыки в Казахстане, заключалась в том, что он раскрывал перед студентами не только горизонты языкознания, но и всей национальной культуры, посвящая в такие виды искусства, как музыка, пение, танец, живопись. Благодаря собственному интересу к искусству, огромным познаниям, его влияние на молодежь было колоссальным. Более того, нередко он сам покупал билеты на концерты, приглашая студентов, так под его опекой

росли и формировались Адий Шарипов, Адил Ермаков, Гайнидден Мусабаев и др., будущие ученые, общественные деятели Казахстана.

Сам К. Жубанов получил образование в Ленинграде, его учителями были великие лингвисты, академик И.И. Мещанинов, С.Е. Малов, В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов. Он закончил в 1928 г. Институт восточных языков.

Однажды он пригласил Адий на большой концерт, организованный братом, Ахметом Жубановым. На концерт были приглашены домбристы, кобызшы гармонисты, исполнители на двухголосовых свирелях – сыбызгы, впоследствии они были включены в состав первого казахского симфонического оркестра. Ахметом Жубановым были приложены колоссальные усилия для организации этого оркестра, ведь талантливых людей искали и находили по всей республике, приглашали в Алма-Ату, их надо было трудоустроить, помочь им с жильем, решить их семейные проблемы. Для Ахмета Жубанова примером была деятельность выдающегося просветителя и музыковеда А.В. Затаевича, собравшего почти весь казахский песенный фольклор и издавший его в отдельном фолианте с нотами «Песни Казахстана». А. Жубанов часто говорил о деятельности таких востоковедов-ориенталистов, как Ч. Валиханов, Г. Потанин, А. Диваев, В.В. Радлов, благодаря которым были записаны казахские эпосы и лиро-эпосы, такие как «Кыз Жибек», «Айман–Шолпан», «Козы Корпеш – Баян сулу», «Ер Таргын», «Кобланды батыр», «Камбар батыр» и др. К заслуге М.О. Ауэзова и Шакарима Кудайбердиева он относил появление в науке таких народных поэм, как «Енлик-Кебек», «Ляйли-Маджнун». Большим событием в национальной культуре стала постановка в 1926 г. пьесы М.О. Ауэзова «Енлик-Кебек».

Все эти факты говорят, что такие преподаватели, как К. Жубанов, М. Жолдыбаев, создавали для студентов прекрасную атмосферу любви ко всей культуре и искусству, в целом благотворно влияя на личность молодых людей, расширяя их кругозор, национальное самосознание, активизируя нравственное начало. К. Жубанов был человеком исключительно мягкого характера, он никогда ни на кого не повышал голос, его характер определяли как «жібек мінезді», то есть шелковый, его жизнь протекала на виду всех. Как мог такой человек оказаться врагом народа, шпионом Японии – Адий терялся в загадках. Тем не менее такие вопросы вслух обсуждать было не принято, люди остерегались говорить на такие темы.

Вся глубина несправедливости как чудовищная бездна открылась Адий в том же 1937 году. По объявлению после лекции комсомольцы собрались в аудитории №42 на собрание. В объявлении повестка собрания не была названа, поэтому аудитория, как обычно, переполненная, ничего не подозревала. Вел собрание сокурсник Акимши Ахметов. Слово сразу было дано Хакиму Тыныбекову, тоже сокурснику Адий Шарипова. Рослый, смуглый до черноты Хаким, выйдя к трибуне, пригладив густые черные волосы, зачесанные назад, обвел зал не мигающими, несколько на выкате глазами и, стараясь придать голосу суровость, начал говорить рублеными фразами:

– Товарищи, среди нас до сих пор есть подлые люди с нечестными, недобрыми намерениями. Есть даже враги! Они одной с нами крови, однако по внутреннему миру они чужие, их цели далеки от нашей цели. Мы должны очистить наши ряды от таких людей. Вы все знаете, что Адий Шарипов был заодно с врагами народа, был их единомышленником, однако все молчите. Года два назад был разоблачен как враг народа Ильяс Джансугуров, а вы все знаете, что Адий Шарипов был его

помощником. Он много раз бывал у него дома, работал на него. Отъявленный враг народа Ильяс Джансугуров устроил его на работу в тепленькое местечко в Союзе писателей. Мало того, вы должны знать, что младшие братья отца Адий, Садык, Фазыл Кайранбаевы были недавно арестованы за враждебную деятельность против Советской власти. Я только вчера узнал об этом. Короче говоря, Адий Шарипов был тесно связан с врагами народа, он их послушный прихвостень. Поэтому без лишних разговоров надо исключить его из рядов комсомола!

Адий похолодел. Что за чудовищная ложь! Акимши Ахметов дал такую устную справку: «Дед и отец Адий Шарипова были кажы. По этому поводу в 1934 году в газете «Еңбекші қазақ» была опубликована газета журналиста Ысмагула Багадайұлы «Волчонок в волчьей шкуре». Таким образом, совершенно ясна картина его связи с разоблаченными врагами народа. К тому же вы все знаете, что он был помощником и единомышленником Ильяса Джансугурова. Были арестованы и разоблачены как враги народа, шпионы Японии младшие братья его отца. Поэтому Адий Шарипов не имеет права находиться в рядах комсомола. Я поддерживаю предложение Хакима Тыныбекова».

Вслед за Ахметовым выступили еще несколько человек. Они говорили одно и то же. Затем слово дали Адий Шарипову. Он сказал, что никогда никаких связей с врагами народа у него не было. Это правда, что он работал помощником Ильяса Джансугурова, однако никогда никаких разговоров против Советской власти не было. Младший брат отца Садык работал в Алматинском техникуме связи, раньше он жил в Восточном Казахстане и работал в Самарском районе в сельской школе. Фазыл же жил и работал в г. Семипалатинск. То, что они арестованы как враги народа, Адий услышал об этом только сейчас в этом зале, ибо с этими родственниками отношений не было. Отец умер, когда Адий было два года, мать потерял в возрасте тринадцать лет. С тех пор учился и трудился в одиночестве в отрыве от родственников. Никто ему не помогал ни в учебе, ни в быту. Нужно было зарабатывать на жизнь, поэтому устроился в Союз писателей. По этой причине также преподавал трудящейся молодежи на рабфаке. Днем на лекциях, после обеда обычно он в общегитии. Жизнь Адий проходила на глазах товарищей, утаивать что-то было невозможно. Даже в библиотеку ходил вместе с сокурсниками. Поэтому никаких связей и отношений с врагами народа не было...

– Хватит! Прекрати! – прервал его Ахметов. Далее состоялось голосование. Все присутствующие подняли руки за исключение Адий Шарипова из рядов комсомола. Так в биографию Адий Шарипова вошел факт несомненной обструкции со стороны политической организации. Ведь исключение из комсомола по правилам тех лет обязательно вело к исключению из института, а этот акт обычно завершался арестом человека, лишённого всех прав. Адий не обижался на товарищей, ибо подневольные, уstraшенные репрессиями, они были вынуждены проголосовать против него. По-другому обстояло дело с Хакимом Тыныбековым, давно таившим зло против него. С Хакимом у него уже бывали стычки (они были описаны выше). Хаким совершил акт мести, и было понятно, что он воспользовался стечением обстоятельств. «Сдай немедленно билет!» – заорал Ахметов.

Положив комсомольский билет на стол, плохо различая пространство перед собой – в глазах стоял туман, по спине то и дело пробегал ледяной ожог озноба, Адий замер в ступоре... Ему казалось, что произошел полный крах всей жизни, внезапно рухнули все мечты, все планы, а они были так радужны, так, казалось

бы, реальны. Ведь в него поверили преподаватели, товарищи не сомневались, что он пойдет далеко. Об успехах Адий говорили родственники, брат гордился им. Что теперь ждет его? День померк для него.

Он сам не заметил, как оказался в парке. Сутулые деревья в парке выглядели мрачными и отчужденными странниками, в кронах карагачей злорадно каркали вороны, истошно кричали галки. Где-то играли дети, они звонко смеялись, их окликали заботливые мамы. Тренькал электрический сигнал трамвая, цокали копыта лошадей, гремели по камням мощеных улиц колеса повозок. Жизнь продолжалась, но ее звуки теперь были отделены от Адий словно бы невидимой, приглушающей стеной. «Ты исключен! Ты чужой для нас! Ты отщепенец!» – будто молотом, бил в мозг безжалостный голос.

В тот день он долго бродил в Парке федерации. Внезапно он услышал частые шаги человека, подходившего со спины. Вздвогнув, он оглянулся и увидел черты знакомого человека. Это был Молдаш Сарсенбин, обучавшийся на параллельном курсе, на историческом факультете пединститута. Он подошел и участливо обнял Адий за плечи и принялся утешать его. Он уже знал о случившемся. Молдаш Сарсенбин был членом партии, среднего роста, широкоплечий, стройный джигит, он пользовался авторитетом среди студентов. Нередко он проводил политзанятия на разных факультетах. Молдаш Сарсенбин, видя, в каком подавленном состоянии находится Адий, посоветовал ему не падать духом, ведь в жизни все меняется, бывают взлеты и падения. Кроме того, он напомнил, что Адий, несмотря на молодость, прошел тяжкие испытания, познал безотцовщину, горе по поводу потери матери, несправедливость, поэтому с таким опытом он должен с достоинством встретить новые трудности. Его слова и несомненная духовная поддержка привели Адий в чувство. Тем не менее, когда М.Сарсенбин ушел, Адий вновь впал уныние. Поздно вечером он вернулся в общежитие, зашел в комнату. Никто из товарищей ни о чем не спросил его, каждый нарочито был занят своим делом, возможно, они боялись общаться с ним. Он лег спать, но сон не шел в глаза. Прележав бессонно несколько часов, Адий встал и вышел с книгой в руках в читальную комнату. Там он просидел еще час, уставившись в страницы романа «Анна Каренина», однако глаза не различали строк. Перед взором стояло одно и то же – то, что произошло в институте, в ушах продолжал греметь то голос Хакима Тыныбекова, то Ахметова. Вдруг в двери комнаты постучали. Это был особенный, незнакомый стук. Похолодев, дрожащими руками Адий откинул крючок. Перед ним стоял лейтенант НКВД, бывший студент физмата пединститута по имени Шарафи и двое рядовых, русские парни. Адий уже решил, что пришли за ним, но лейтенант потребовал показать комнату, где проживает студент Балажанов. Так Адий стал свидетелем ночного ареста Балажанова. Эту картину, как уводили заплаканного Балажанова, Адий Шарипов будет помнить всю жизнь. Ночь прошла в каком-то бессознательном состоянии между сном и явью. От нее в голове остались лишь муть и боль.

А на следующий день состоялась встреча с Назымгуль. Назымгуль передала просьбу Гани, старшего брата, ни в коем случае не приходите к ним домой. Назымгуль пояснила, что они срочно уезжают из города в южном направлении. Впоследствии Адий узнал, что Гани получил предупреждение от сослуживца, что, якобы, вскоре за ним должны прийти. Этот человек тайно выхлопотал ему командировочное удостоверение. Из ее слов Адий понял, что беда нависла не

только над ним. Гани и Назымгуль вышли без вещей, все же им удалось сесть в поезд и уехать в Ташкент. Оттуда они без задержки перебрались в Туркмению, где остановились на пограничной заставе Кушка. Это была граница с Афганистаном. Этот решительный поступок, наверное, спас Гани от возможной гибели. Именно там, в Кушке, Гани предложил молоденькой Назымгуль стать его женой. Далее богатая на события жизнь Гани Шарипова сложилась как путь военного человека. С началом Второй мировой войны он был призван в действующую армию. В разгаре самых ожесточенных сражений он погиб на фронте в звании капитана Советской армии.

Теперь Адий словно через что-то внутри себя перешагнул. Он зашел на прием к декану факультета М.С. Сильченко. Относившийся хорошо к Адий Шарипову и никогда не сомневавшийся в его качествах М.С. Сильченко предложил ему взять годичный академический отпуск и на время уехать из Алма-Аты. Тотчас были оформлены все необходимые документы. Попрощавшись с деканом, Адий вернулся в общежитие, взял свои вещи и отправился на вокзал. Никто его не провожал. Он повторил путь старшего брата. Приехал в Ташкент, там пересел на другой поезд и уехал в Туркмению в Ашхабад.

Он, молодой человек, никогда не выезжавший за пределы республики, ехал в полную неизвестность. Все томило и терзало душу: что ждет его впереди, где ему остановиться, как найти работу, как отнесутся к чужаку там, в Туркмении, местные люди, как быть с безденежьем? И гудок паровоза, мчащего его все дальше и дальше от Родины, чугунный стук колес, спертый воздух в вагоне, теснота давка, бессонные мысли, – все это понемногу перерастало в чувство отчаяния. Вся эта ознобная волна негативных и тревожных чувств мучила его до самого Ашхабада. В столице Туркмении, больше напоминавшей безграничный сад, застроенный одноэтажными глинобитными домами, он отправился напрямик в наркомат просвещения, надеясь получить направление в какую-нибудь казахскую школу на должность учителя. Адий знал, что в Туркмении живет многотысячная казахская диаспора, следовательно, в сельские школы нужны подготовленные учителя казахского языка и литературы. Ему все-таки на удивление везло. На площади перед зданием наркомата, присев на скамейку, он случайно оказался рядом с человеком, который представился как Акшолаков. Он был казах, только что вернулся из Алма-Аты, куда ездил по поручению руководства нанимать на работу молодых специалистов – преподавателей по разным профилям. Он не скрыл, что там был огорчен тем, что не смог найти нужного человека, преподавателя казахского языка и литературы, и заключить с ним договор. А. Акшолаков очень обрадовался, когда узнал, что Адий Шарипов именно преподаватель казахского языка и литературы, ищущий в Туркмении работу по специальности. Тем не менее два дня ушло на преодоление бюрократической волокиты в наркомате. Эти две ночи Адий пришлось ночевать на вокзале, терпеть голод, при этом он был избит и ограблен местными хулиганами. Однако мир не без добрых людей. Общительность Адий выручила его и на этот раз. За день до этого на вокзале он познакомился с четырьмя джигитами-казахами, ждущими поезд на Карабугаз. Эти джигиты, увидев, что трое чужаков избивают их нового знакомого, кинулись выручать его. Вся эта занимательная эпопея завершилась благополучно для него, милиция, разобравшись с происшествием, вернула Адий два рубля, которые отняли у него хулиганы.

В конце концов, с помощью А. Акшолокова добившись приема в наркомате просвещения, Адий был направлен на работу в город Красноводск в педтехникум на должность зав.отделом образования и преподавателем казахского языка и литературы. Тут же в здании наркомата ему выдали аванс в полторы тысячи рублей, по тем временам огромная сумма для молодого человека. Жизнь вдруг повернулась к Адий светлой стороной. Он был вне себя от радости, волна гжучих чувств, благодарности, восторга, растроганности, нахлынула на него. Он был окрылен новой надеждой, жизнь не обманывала его, она встречала его прекрасными людьми. Город теперь как-то иначе смотрел на него, дрожа под пустынным ветром, трепеща листьями белых тополей, звеня голосами светлых арыков, он манил куда-то. Нужно было принимать перемены и смело идти навстречу неизвестности.

С деньгами он чувствовал себя гораздо увереннее. Он вновь осмотрел город, зашел в парикмахерскую, побрился и постригся, привел себя в порядок, нашел нужный магазин, купил новую одежду, найдя укромное место в каком-то заброшенном саду, переделался и без сожаления оставил под деревом старую одежду, полностью пришедшую в негодность. Вновь найдя Акшолокова, он пригласил его в столовую покушать. Ему хотелось угостить его, отблагодарить со всей искренностью, на которую способна воспрянувшая душа. Однако Акшолоков, спокойный, даже несколько хмуроватый человек, остановил его порыв, сказав, что они приглашены на ужин к его знакомым. Его знакомого звали Аубакир Сегизбаев. Он и его жена оказались радушными, очень гостеприимными людьми. Адий вновь оказался свидетелем традиционного казахского гостеприимства. Обласканный добрыми людьми, после обильного ужина и проникновенной беседы Адий почувствовал, как в нем восстанавливается его обычная и врожденная доверчивость к людям. Он опять мог внимать природе, необъятности бытия, звукам жизни, которые исподволь звучали как бесконечная, затаенная симфония всеединства. Ночью, на чистой постели у окна он прислушивался к шороху деревьев за стеклом, лаю собак, треньканию сверчка, переключке перепелов в садах. Покой ночи и звуки неспешной жизни исцеляли его душевные раны.

На следующий день, в полдень, попрощавшись с Акшолоковым у наркомата, он поспешил на вокзал. Выстояв очередь, купил билет на Красноводск. В вагоне он опять окунулся в испарения удушливой горячей атмосферы, в купе воздух казался раскаленным от прямых лучей южного солнца. Толпа валом растекалась по вагону. Адий заприметил свободное место на второй полке, закинул туда свой чемоданчик, сам забрался туда. Люди кое-как разместились на своих местах, многие разлеглись для отдыха, кто-то уже похрапывал. От запаха потной одежды, вони множества заношенных носков и портков воздух стал ощутимо спертым, тяжелым. Во рту саднило от сухости, по телу бежали струйки пота. Внезапно открылась дверь вагона, кто-то просунулся вовнутрь и заорал басом: «Пиво! Пиво!» Адий спрыгнул с полки, подошел к дюжему парню и купил две бутылки пива. Почти залпом выпив пиво, он опять забрался на полку, не успел растянуться, как сморило его крепчайшим сном многодневной усталости.

К вечеру следующего дня поезд подошел к вокзалу Красноводска. Накануне Адий очнулся от дикой головной боли. В висках колотилась муторная тяжесть, в глазах порой темнело. «Что со мной?» - терялся в тревожных догадках Адий. Тем не менее собрался с силами, чтобы превозмочь головокружение. В вагоне

выкупить в городе жилье. Многие джигиты устроились на работу в Нефтедаге. В стороне Мангыстау в Карабугазском районе тоже в основном проживают люди из рода Адай. Они живут дружно, стремятся поддерживать друг друга. После чаепития Адий и Бораш вышли на улицу подышать воздухом. Далее Адий узнал, что в техникуме обучается главным образом казахская молодежь. Педагогический состав техникума многонациональный. Директор школы пожилой человек по фамилии Щербаков, человек хороший, основательный. Но вот позвали вновь в юрту. Ополоснув руки, Адий и Бораш вошли в дом. На торе Адий узрел двух аксакалов. Бораш представил их как своих старших родственников. Принесли на большой чаше-таба из дерева дымящийся паром бешбармак. На отдельной тарелке Адий поднесли вареную голову барана. Адий сильно смутился. Он знал, что по обычаю голову подносят только старшему и самому уважаемому человеку. Таковым, конечно, он себя не считал. Поэтому, извинившись, он подал тарелку сидящему рядом аксакалу, чья седая борода покрывала полностью грудь. Аксакал взял нож, отрезал ухо и подал Адий, и он подумал, что ритуалы гостеприимства у казахов везде одинаковые, что на Востоке республики, что на Западе. В неторопливой степенной беседе прошел вечер. Когда угощение закончилось, вновь вышли на улицу подышать воздухом. Адий заторопился домой, однако Бораш не пустил его. «Сегодня вы заночуете у нас. Таков обычай», - сказал он. Адий только улыбнулся. А когда голова коснулась мягкой подушки, смежив веки, он мгновенно уснул здоровым, безмятежным сном.

На следующий день его представили директору техникума. Это был мужчина среднего роста, с очень коротко стриженной головой, ему было около пятидесяти лет. Щербаков, по виду человек добродушный, степенный, неторопливо рассказал про техникум. Адий предстояло работать зав.отделом образования и преподавать казахский язык и литературу. Человек, который до этого замещал эту должность, был направлен в Карабугаз директором местной школы. Через неделю – другую учащиеся должны были закончить семестр и выйти на каникулы. Нужно было завершить их обучение. Кроме того, при техникуме были курсы повышения квалификации для школьных учителей. Занятия на курсах повышения квалификации продолжались и летом. Адий должен был работать и с этими учителями. Во время обеденного перерыва директор собрал преподавателей и специалистов техникума и познакомил их с Адий. Суханов, улыбочивый, подвижный человек, был преподавателем биологии, Хасан заде обучал географии, Блац был учителем немецкого языка, Процессов вел занятия по физкультуре и т.д.

Занятия начинались рано утром в восемь часов. По расписанию первой стояла пара по казахской литературе и языку. Когда Адий вошел в аудиторию, ребята дружно встали и приветствовали учителя. У Адий зарябило в глазах, – аудитория была полным-полна студентами. Кругом были круглые стриженные или чубатые головы, карие и смоляно-черные глаза, девчонки все в платках, туго повязанных вокруг головы. Тем не менее Адий было не привыкать преподавать, он уже имел опыт аудиторной работы на рабфаке в Алма-Ате. Он знал, что с ребятами нельзя фамильярничать, нельзя и уходить от требуемой темы. Нужно было найти правильный тон. Он начал с опроса. Очень скоро выяснилось, что студенты почти не знают казахской литературы, только отдаленно, понаслышке они имели представление о некоторых эпосах, например, «Кыз Жибек», «Козы Корпеш – Баян сулу», но с текстами, особенно по 19-му веку, по современной литературе они

не были знакомы. Руку поднял один из ребят, встретивших Адий вчера, паренек по имени Губайдолла. «Агай, мы казахскую литературу плохо знаем, потому что учитель, который ее преподавал, сам не знал дисциплину», – сказал он.

– Так нельзя говорить о старшем человеке, – строго поправил его Адий. – Видимо, причина в том, что у вас нет учебников по казахскому языку и литературе. Сделаем все, чтобы их достать.

Адий начал свои занятия с Бухар жырау. Он был великим поэтом своего времени, сподвижник Аблай хана, он участвовал в важнейших событиях казахской истории – в казахо-джунгарской войне. Он оставил немало стихотворений, посвященных этим событиям. Поскольку Адий наизусть знал немало произведений Бухар жырау, он легко декламировал их, а потом объяснял ребятам их идейное содержание. Студенты слушали, затаив дыхание. Кроме того, Адий мог воспользоваться своими конспектами, которые были записаны аккуратным, разборчивым почерком. Имелись и машинописные методические материалы по языку и литературе. Все они были привезены в небольшом фанерном чемоданчике. На следующий день Адий принес на занятия привезенные учебники и учебные пособия, показал их ребятам. На своих занятиях Адий обучал студентов навыкам выразительного чтения стихов казахских акынов. Когда одни студенты выразительно декламировали стихи, другие внимательно их слушали и вели записи, потом они должны были сделать содержательный анализ. Ребята увлеченно занимались по этой методике. По всему было видно, что им нравилось, как обучал их Адий. Вскоре между преподавателем и студентами возникли доверительные отношения.

Две недели прошли быстро. Студенты должны были выходить на летние каникулы. Адий готовил свои записи и пособия к занятиям на курсах повышения квалификации, которые должны были проходить все лето. Однажды его вызвал к себе Щербаков. Он сказал:

– Адий Шарипович, хотя вы у нас всего две недели, но все же учебный год закончился. Нужно собрать годовые отчеты всех преподавателей и написать общий отчет по всему техникуму. Этот отчет должен быть написан как следует, потому что отправите его в народный комиссариат.

– Хорошо, будет сделано, – сказал Адий, а сам крепко задумался, и было от чего, ведь ему никогда не приходилось писать годовые отчеты, да еще за весь педагогический коллектив. На следующий день он собрал преподавателей и дал им поручение в течение дня написать индивидуальный годовой отчет. К вечеру все отчеты были собраны. Не было только одного отчета – по истории СССР.

Пришлось выяснять у секретарши в приемной:

– Кто ведет занятия по истории?

– Сам директор, – заулыбалась секретарша. – Но поскольку он не любит писать, вам самим придется составлять отчет за него.

Адий вышел из приемной весьма озадаченный. Если Щербаков не любит писать, как он преподает дисциплину, как он управляет такой организацией как техникум? Тем не менее поручение выполнять надо. Еще в Союзе писателей Казахстана Адий привык вовремя и тщательно выполнять задания Ильяс Джансугурова. В нем уже крепко сидели навыки организационной и канцелярской работы. В течение двух дней Адий составлял сводный отчет, в котором были отражены материалы не только работы педагогического состава, но и комитета комсомола.

профсоюза, методсовета, воспитательной работы коллектива. Закончив отчет, Адий зашел к директору в кабинет. Щербаков был один, он просматривал какие-то документы.

– Ну, как? Справился с отчетом? – спросил он своим глуховатым, но отчетливым голосом.

– Отчет написан, – неуверенно сказал Адий. – Однако...

– Что, однако?

– Включил все, кроме истории и политзанятий. Всего тридцать страниц. Отдал машинистке печатать.

– А... – улыбнулся Щербаков. – Вот в чем дело. Историю веду я, политзанятия тоже. Однако мне недосуг писать отчет. Вот две программы, по которым я провожу занятия. В них есть все, что нужно. Я попрошу вас, Адий Шарипович, раз у вас набитая рука, написать отчет по истории и политзанятиям.

Адий замешкался только на минуту. Разные мысли, конечно, пронеслись в голове. Однако между ним и директором сложились хорошие отношения, кроме того, слушаться старших – у казахов в крови.

– Хорошо, – сказал он и вышел из кабинета. Еще два дня он трудился над отчетом, написал шесть страниц, затем зашел к директору.

– Ваш отчет написан, – сказал он Щербакову. Директор всем телом повернулся к нему и обрадовано взглянул:

– Ну-ка, почитай.

Адий прочитал отчет и спросил:

– Нужно что-то добавлять или изменять?

– Нет, – удовлетворенно сказал Щербаков. – Ничего менять не нужно. Отчет написан хорошо. Ты, оказывается, мастер писать такие отчеты.

Адий невольно улыбнулся. Вот гдегодились штудии в институте, в Союзе писателей, на рабфаке!

На следующий день Адий выступил с годовым отчетом на педсовете техникума. Отчет был одобрен единогласно. В конце собрания Адий сделал предложение с учетом развития техникума в будущем, во-первых, учреждение нуждается в новом здании, старое находится в аварийном состоянии, оно слишком тесное, во-вторых, нужно кого-нибудь командировать в Алма-Ату за учебниками и учебными пособиями по казахской литературе и языку. Эти предложения тоже были поддержаны. Адий было поручено включить эти предложения в резюме доклада, отредактировать его и в форме отчета отправить в комиссариат народного просвещения. Адий усердно работал над отчетом еще два дня, в конце концов, текст был завершён и через почту отправлен в наркомат.

Прошло еще несколько дней. Адий вновь зашел к директору, чтобы выяснить, кто поедет в Алма-Ату за учебниками. Щербаков минуту подумал, потом, с застенчивой улыбкой глядя на Адий, сказал:

– Студенты сейчас на каникулах, из преподавателей подходящего человека не найдешь. Нужен такой, который хорошо знает Алма-Ату, ее книжную торговую сеть. А такой человек стоит передо мной, это – ты. Так что готовься к командировке в Алма-Ату.

Адий кивнул головой. Он был внутренне готов к такому повороту событий, так как чувствовал, что справится с таким поручением. Щербаков попросил проверить и отредактировать его доклад, подготовленный к очередному Пленуму

районного комитета партии. Адий взял написанный доклад, унес к себе и там внимательно изучил текст. Он был написан добротнo со знанием дела. Не было никаких сомнений в интеллектуальных способностях и знаниях Щербакова. А ведь некоторые преподаватели, например, Хасанзаде, сотрудница по имени Валя, нелестно отзывались о способностях директора. Слегка подредактировав доклад, Адий вернул его Щербакову. И когда в одной беседе Хасанзаде вновь принялся осуждать директора, Адий резко осадил его, сказав, что не любит, когда за спиной хулят человека, кроме того, он другого мнения о Щербакове. Словно прочитав мысли учителя по географии, он добавил, что никогда не станет претендовать на место директора техникума, ему достаточно той должности, которая доверена ему. Хасанзаде растерялся, он не ожидал такой реакции Адий, и ушел, багровый от смущения. Адий действительно был высокого мнения о деловых способностях директора. Щербаков, когда нужно было, обычно говорил прямо, порой нелицеприятно, а некоторым преподавателям это не нравилось. Кроме того, он был в курсе всех дел, в том числе был прекрасно осведомлен о нюансах отношений работников между собой, поэтому неоднократно предупреждал Адий о возможных разговорах, трениях.

По вечерам, когда Адий оставался один в своей комнате, нет-нет да овладевала душой тревога – все-таки, если придется ехать в Алма-Ату за учебниками, что ждет его там? Как там живут-поживают друзья, сокурсники? Его давний друг Малик Габдуллин, призванный в армию, присылал ему письма на ящик в главпочту. Там, наверное, уже скопилась куча писем от него. Ведь прошло уже три месяца с тех пор, как Адий спешно покинул Алма-Ату. Разыскивают ли его органы, или уже забыли о его существовании? С другой стороны, по своей воле поспешив в столицу Казахстана, не попадет ли он в разинутую пасть зверя? Не сотворит ли он тем самым очевидную глупость? Тем не менее, когда однажды Щербаков вызвав в кабинет, сказал, что надо составлять список учебников по дисциплинам и готовиться к командировке, Адий обрадовался. «Хорошо!» - улыбнувшись, с готовностью сказал он. Вечером, опросив преподавателей техникума, он принялся составлять список учебной литературы. На душе было тревожно и радостно. Только сейчас Адий понял, как он соскучился по Алма-Ате. Перед глазами всплывали лица друзей, родственников, преподавателей, тенистые улицы города, любимый парк, тихая библиотека. Как они там? Обрадуются ли они, увидев его? Ведь никакой его вины нет в том, что произошло. Жизнь, это же такая штука, не зря казахи называют ее Жалган, она не состоит только из одних приятностей, в ней бывают такие холодные шквалы – только держись. Мужчина ко всему должен быть готовым.

Тем временем были подготовлены все необходимые документы, письмо руководителем книжной торговли Алма-Аты, доверенность на оплату, все заверено печатью. Железная дорога с пересадкой на другой поезд в Ташкенте отняла у Адий троe суток. И они были похожи на скоротечный сон на рассвете. Однако запомнились на всю жизнь. По пути он едва не лишился бумажника со всеми деньгами и документами. Однако, как все-таки везло ему на хороших людей! Оказывается, он оставил бумажник у кассирши на столе в ташкентском вокзале – очень обходительной, миловидной и нарочито строгой девушки-узбечки. В Туркменском представительстве, не найдя в кармане бумажник и лихорадочно припоминая, где он мог оставить его, он вспомнил про кассу, где ему пришлось

искать в бумажнике адрес представительства. И он со всех ног помчался обратно на вокзал, прибежал и ворвался в комнату кассы. Укоризненно глядя на него, девушка с косичками подала ему бумажник, при этом, не жалея слов, попеняла его за ротозейство и спешку. «От такого раззявы можно все ожидать!» – с видом взрослого человека выговаривала она ему. Адий потом долго вспоминал эту ситуацию, ему было и неловко и одновременно как-то хорошо на сердце. Он тогда пытался отдать часть спасенных денег девушке, однако она решительно отказалась, и при этом продолжала отчитывать его. А он стоял и широко улыбался. Вот так! Кстати честную девушку звали Таня, полное узбекское имя Толгонай.

Но вот снова он в поезде, опять висит над ним спертый, душный воздух общего вагона, знакомый запах пота, еды, кругом слышится негромкий говор попутчиков. Лязгнули буфера, поплыл назад перрон, стукнули на стыках рельсов колеса, еще раз, ускорил движение ландшафт за окном. Потом протяжно проревел гудок паровоза. Домой, домой! Растянувшись на полке, Адий задумался о том же, что ждет его в Алма-Ате? Не попадет ли он в жесткие объятия нквэдэшников?

В Алма-Ате он остановился в гостинице, что рядом с вокзалом. В комнате на десять человек была одна свободная койка. На следующий день он без труда нашел базу книжной торговли, встретился с директором магазина, показал ему документы, привезенные из Туркмении. Они вместе обошли комнаты, где прямо на полу высились груды книг, перевязанных в пакеты. Они выбрали нужные, составили договор, в него включили даже те учебники, которые должны были выйти в печать в этом году. Директор поручил своим работникам, чтобы они помогли. Вместе с несколькими парнями Адий погрузил на повозку пакеты с книгами, отъез на Главпочтамт. Там тоже были оформлены нужные документы на отправку груза поездом в Туркмению. Так в один день было завершено главное и такое важное дело. У Адий в запасе оставалось еще несколько дней. Можно было быть довольным, позволить себе отдых, однако на сердце все равно было тревожно. На Главпочтамте он взял письмо от Малика Габдуллина. Друг писал, что читал в газете «Ленинская смена» материал об Адий, в нем было напечатано о связи Адий с врагами народа, о том, что он исключен из комсомола. Каким-то образом газета попала в спецотдел. Малик Габдуллин был вызван на дознание о связи с Адий Шариповым. На допросе Малик решительно отказался признавать своего друга врагом народа. Письмо Малика погрузило Адий в невеселые размышления, в то же время он не мог не признать мужественное поведение друга.

В тот же день он тайно встретился с еще одним товарищем, Касымом Муратбаевым, закончившим физико-математический факультет пединститута, ряд лет он возглавлял комитет комсомола института. Касым очень обрадовался, увидев Адий. Именно Касым посоветовал Адий сходить в городской комитет комсомола, куда еще три месяца назад было подано заявление о пересмотре персонального дела Адий. В свою очередь Адий предложил другу поехать вместе с ним в Красноводск устраиваться на преподавательскую работу. Касым задумался. На следующий день друзья вновь переговорили по телефону. В телефонном разговоре Касым сообщил, что связался с нужными людьми, что городской комитет комсомола дал знать комитету комсомола пединститута о необходимости пересмотра персонального дела Адий. Нужно было идти в институт. Адий встретился с секретарем комитета комсомола. Тот тепло отнесся к Адий и сказал ему, что, если он явится сам, то заседание комитета состоится через день. Через день заседание состоялось. Слово

дали Адий, и он вновь повторил свою историю, где делал упор на том, что никакой связи с врагами народа у него не было. Выступило несколько членов комитета, они дали положительную характеристику Адий. Таким образом было принято решение о восстановлении Адий Шарипова в рядах комсомола. Обрадованные Адий и Касым в радужном настроении отправились на вокзал покупать билеты на Красноводск. Адий был счастлив, что Касым принял решение ехать вместе с ним в Туркмению.

Все вроде бы было хорошо, однако не бывает бочки меда без ложки дегтя, – вечером того же дня Адий получил недобрую весть, которая сразу остудила его. Оказывается, несколько человек, которые не приняли участие в заседании комитета комсомола, подняли шум, якобы, комитет пошел на поводу отщепенца Шарипова, ретивые активисты настояли на повторном заседании, и на нем вновь восстановили прежнее решение об исключении Адий Шарипова из комсомола.

Делать было нечего, приунывшие друзья отправились в Туркмению. Щербаков встретил их с распростертыми объятиями. Еще бы, – техникум должен был получить учебники по всем базовым дисциплинам, кроме того, Адий привез преподавателя по физике и математике, в таком специалисте учебное заведение давно нуждалось. Прошло еще две недели. Однажды Адий был вызван в кабинет директора техникума. На сердце стало тревожно, – не пришла ли из Алма-Аты еще какая-нибудь недобрая весть? Озабоченный Адий тотчас поспешил в кабинет директора техникума. Комната была переполнена людьми, здесь находился весь педагогический состав учреждения, были еще студенты-активисты. Щербаков обвел кабинет своими пронизательными глазами, откашлялся и зачитал письмо из наркомата образования Республики. В нем сообщалось о поощрении Адий Шарипова за обеспечение педтехникума учебниками и учебными пособиями грамотой и премией в размере месячной зарплаты. Адий от души поблагодарил директора, он понимал, что если бы Щербаков не похлопотал, такой приказ по наркомату не состоялся бы.

В тот же день его пригласили в гости аксакалы из рода Адай. Весь вечер джигиты играли на домбре, исполняли кюи Курмангазы, Дины Нурпеисовой, пели песни. Над берегом тихого Каспия далеко разносились звонкие голоса певцов. Растроганный Адий думал о том, как талантлив и сердечен народ, сколько в его душе доброты. Весь вечер до поздней ночи люди праздновали, поздравляли с успехом Адий, радовались его победе. Это был заслуженный успех, так как к тому времени он, благодаря студентам, приобрел известность талантливого преподавателя, крепкого организатора учебного процесса. Это было заслуженное признание его знаний и деловых качеств.

Наступила зима. Зима в Красноводске необычная, снега не видать, часто идут проливные или затяжные дожди, переходя в долгую, частую капель, проникновенно звучащую по ночам. Небо обычно покрыто темно-серыми обложными облаками. Сырые ветра приносят из пустыни запах векового песка и солончаков. Холод днем не менее пронизывающий, пробирающий до костей, так что думается порой – лучше бы снегопад и привычные метели, а не эта темная, ломотная стужа. Привычна для местных жителей и пыльная, песчаная буря, она стеной поднимается над землей и воет-воет стаей голодных шакалов. Все же Адий привык к этому климату и в любую погоду, прижав к груди портфель, спешит в техникум. Его ждут ребята, аудитория, где он самозабвенно отдается любимой работе.

Как-то Щербаков пригласил Адий в гости. «Угостимся как надо, примем на душу кое-что», – подмигивая, заговорщически улыбался он. Адий, конечно, угостился как надо, как требовал молодой крепкий организм, но принять порцию на душу отказался. Таково было его правило, заведенное еще в аule. Щербаков настаивать не стал, когда они остались одни, он, помолчав минуту, сказал спокойным, но значительным голосом:

– В Москве состоялся пленум партии, на нем признали совершенные ошибки и перегибы при проведении политики борьбы с врагами народа. Теперь наша задача – устранить ошибки на местах. Вчера состоялся пленум районного комитета партии, на нем было признано, что и в Красноводске имеются невинно обвиненные и осужденные лица. Сам я никогда не верил в эти вопли насчет того, что всюду и везде нас окружают враги народа. Ты, бросив учебу, приехал за тридевять земель, сюда. Скажи правду – ты тоже был изгнан из института как пособник врагов народа? Не скрывай, я хочу помочь тебе.

Щербаков смотрел требовательно и одновременно как-то очень доброжелательно. Адий почувствовал, как озноб пробежал по спине. Но выкручиваться, лгать он не мог. Собравшись с душевными силами, он все рассказал Щербакову. Тот внимательно все выслушал, затем, вздохнув, сумрачно сказал: «Я и сам обо всем догадывался. Но за эти полгода я хорошо изучил тебя, можно сказать, что увидел твою изнанку. У тебя чистая душа и с тобой работать легко. Поэтому, несмотря на тяжесть обвинений против тебя, я намерен помочь тебе. Нужно написать письмо в Москву в ЦК ЛКСМ, где необходимо изложить все подробности дела. К письму я приложу характеристику на тебя из техникума. Думаю, у нас есть еще шансы».

Щербаков пригласил Адий выйти и погулять на свежем воздухе. Когда они прохаживались по ночным улицам спящего города, Щербаков тихим, но внушительным голосом объяснял, каким должно быть содержание письма в ЦК. Практически он диктовал письмо Адий, а у того была хорошая память. Когда беседа близилась к концу, он поинтересовался: «ЦК ЛКСМ Казахстана утвердил решение городского комитета комсомола?» «Да, я слышал об этом», – ответил Адий. «Медлить нельзя. Скорее пиши письмо в ЦК», – сказал Щербаков, помрачнев.

Вернувшись к себе, Адий крепко и надолго задумался. Он не спал почти до самого утра. И было от чего тревожиться. По стране были арестованы и бесследно пропали сотни тысяч людей, среди них немало государственных партийных деятелей, большевиков, которые устраивали Октябрьскую революцию, создавали Советское государство, были репрессированы люди даже из ближайшего окружения самого Сталина. В институте, где учился Адий, были посажены в тюрьму немало известных преподавателей, среди них знаменитые писатели, исчезли лучшие студенты-активисты. Никто не может сказать, где они, куда сгинули их следы? Так кто может поручиться за то, что Адий ждет иная, более благополучная судьба? Эти вопросы будоражили Адий, гнали прочь от глаз сон, казалось, под ногами разверзалась бездна. Однако разве не сказал Щербаков: «Вижу, ты мужественный парень. У нас есть шанс».

Тем не менее в тот же день было написано письмо, составлена характеристика. К Адий в комнату заглянул сам директор, взял написанное на проверку. Вдруг хлынул шумный, бурный ливень, он хлестал по окнам, ополаскивал темные стекла, хлестал кипящими струями, рвался вовнутрь. На душе было смутно, в комнате

гулял свежий воздух. Прошел час, другой, в коридоре вновь послышались шаги. Это был директор. Он сказал: «Я все прочел, кое-что исправил. Отдай машинистке напечатать, только предупреди ее, чтобы никому ни слова. Надо держать язык за зубами. И сегодня же заказным письмом почтой отправь документы в Москву». «Хорошо», – кивнул Адий, ему казалось, что они с директором очертя голову собираются нырнуть в темные мутные воды стремительного потока.

Прошло еще два месяца. Однажды директор вызвал Адий к себе в кабинет. Адий шел торопливо, чувствуя, как ходит по телу ознобный ток. Щербаков сидел чем-то удовлетворенный, тая улыбку. В руках он держал надорванный конверт со штемпелями. Увидев Адий, он показал на стул и сказал: «Ты извини меня, пришло письмо из Москвы, я не утерпел и открыл. Оказывается, ЦК запросил из Алма-Аты твое личное дело, изучил его. ЦК оправдал тебя и написал письмо в ЦК ЛКСМ Казахстана с рекомендацией пересмотреть решение по твоему делу. Резюме такое – оставить тебя в комсомоле». Адий почувствовал, как светлая жгучая волна ударила по сердцу, ошеломляющая радость была такова, что он едва не разрыдался. Щербаков поднялся, подошел к Адий, похлопал по спине, потом тепло обнял его. Он слегка басил взволнованным голосом: «Это наша общая победа Адий Шарипович. Я никогда не сомневался в тебе. Ну что ж, собирайся домой, однако о деле пока никому не говори».

По всему было видно, что Щербаков не собирается удерживать Адий Шарипова, ценного работника, каковым, без сомнения, считал его. Адий же в свою очередь чувствовал, что не сможет больше задерживаться на земле Туркмении. Испытывая чувство признательности к Щербакову, он потратил еще две недели, чтобы составить полный годовой отчет по всем видам работ в техникуме. Учебный год близился к концу. Директор ознакомился с отчетом и одобрил его. Отчет был напечатан и отправлен в наркомат. Адий приготовил в дорогу вещи, купил билет на теплоход в Баку. Поскольку вся одежда поизносилась и уже не годилась для носки, нужно было в магазинах Баку приобрести обновку. Когда осталось три дня до отъезда, пришел Бораш и сказал, что три аксакала, Нурлыбек, Акберген, Сатканбай, приглашают его в гости. Это прощание стало событием, которое на всю жизнь врезалось в память Адий. Аксакалы оказали Адий невиданные почести, словно он был званым гостем всего рода Адай. Опять состоялся концерт с исполнением кюев Курмангазы, Дины Нурпеисовой, Мухита. В конце концов, Нурлыбек ата отложил в сторону домбру и сказал Адий: «Ты был у нас около года, не жалея сил, обучал нашу молодежь. Наши юноши и девушки очень довольны своим преподавателем, они никогда не смогут забыть тебя. Твой путь далек, возможно, немало трудностей ожидает тебя. Мы собрали тебе на дорогу деньги. Вот здесь, в пакете, пять тысяч рублей. Возьми их, дорогой». Потрясенный Адий пытался отказать от подарка, однако аксакалы были неумолимы. Адий не смог удержаться от слез...

Бораш, несколько студентов проводили Адий в дорогу. Побывав в Баку, миновав курорты Черного моря, поездом через Москву Адий вернулся в Алма-Ату. В Алма-Ате поначалу Адий остановился в доме Леонида. Давний товарищ и его родители, Гончаровы, с большой радостью встретили его. Как некогда, когда впервые оказался в пригороде Алма-Аты, Адий задумчиво расхаживал по большому тенистому саду, крупные, наливающиеся плоды апорта ласкали взор, своим видом удивляли душу мыслью о необычайной щедрости природы и таланте человека-

садовода. Все-таки природа слишком грандиозна и необъятна в пространстве и времени, она выходит за пределы воображения человека. Человек – лишь малая толика самой природы, и появился он на ее лоне сравнительно недавно.

Выполняя советы Щербакова, Адий побывал в ЦК комсомола Казахстана, откуда его направили в городской комитет комсомола, где состоялась беседа с секретарем Эйгенсоном. Оказывается, письмо из Москвы пришло в ЦК комсомола в Алма-Ату, потом попало в городской комитет, где было вручено ответственному работнику Института права Оразалину для проверки. Пришлось встретиться с Оразалиным. Тот внимательно выслушал повествование Адий, в том числе и о работе в педтехникуме в Красноводске. Затем он сказал, что тщательно ознакомился с письмом из ЦК, со всеми сопроводительными документами, в том числе характеристиками на Адий, и что у него сложилось хорошее мнение о нем. Вскоре должно состояться бюро городского комитета комсомола, на котором Оразалин выступит со своим докладом. Оразалин дал понять, что он, несомненно, поддержит Адий. Адий вышел от него обнадеженным. Наконец-то он вздохнул полной грудью чистый воздух Алма-Аты, насыщенный ароматами зреющих бесчисленных плодов. Как бы то ни было, эта эпопея с отчислением из комсомола, бегством в Туркмению, годом работы в Красноводске сделала его во многом опытнее, сильнее. Адий чувствовал, что внутренне возмужал, стал крепче в психологическом отношении. Он зашел в столовую, что находилась рядом с институтом, и там увидел Хакима Тыныбекова. Тот шагнул было навстречу, но Адий сделал вид, что не заметил его и отвернулся. Он слышал, что Хаким Тыныбеков был оставлен в аспирантуре, чем весьма гордился и ходил с высоко поднятой головой. На лице были написаны высокомерие и презрение к простым людям.

Через неделю на бюро городского комитета комсомола он был восстановлен в рядах комсомола. Эйденсон, Оразалин, еще несколько членом комитета выступили и дали положительные рекомендации Адий. Причем Оразалин подчеркнул, что встретился с Хакимом Тыныбековым и Акимши Ахметовым, но ничего вразумительного от них не услышал. Все, что они говорили, было вздором и злобным наветом.

Вслед за этим событием по рекомендации городского комитета комсомола Адий был вновь зачислен на четвертый курс пединститута. Когда все это завершилось, вдохновленный Адий приехал к Гончаровым, Леонид и его родители от души поздравили его. Через некоторое время Адий вышел в сад. Он присел на траву рядом со стволом могучего дерева. Шелест листвы как бы повторил все события этого прошедшего года со всеми его треволнениями, заботами, переживаниями, это был длинный сказ о тяжелой борьбе человека, который был не одинок. Все же Адий почувствовал, как он устал. Утомление казалось просто безмерным, и он не заметил, как уснул в тени этого дерева-великана.

Через месяц пришла весть об аресте Эйденсона. Он был обвинен как враг народа и по статье приговорен к 17 годам заключения и ссылки. Бедняга весь этот срок провел в лагерях и, в конце концов, вернулся в Алма-Ату. Впоследствии Адий Шарипов и Эйденсон не раз встречались для бесед и воспоминаний о прошлом, они стали хорошими друзьями.

Адий завершил обучение в пединституте и был направлен на работу в село Каскелен. Зимой 1940 года ему была вручена повестка военкомата села Каскелен. У Адий Шарипова уже была семья, жена Загира Куленова преподавала в старших

классах той же школы географию, маленькой дочурке Светлане исполнился только годик. Адий души не чаял в малышке и порой подолгу игрался с ней, лелея лепечущую что-то на неземном языке дочурку. Ни он, ни жена не ведали о нависшей над всем народом и над ними грозной военной эпохе.

В сборном призывном пункте в Алма-Ате, на пересечении улиц Ташкентская и Талгарская, Адий увидел в толпе и Хакима Тыныбекова. Выяснилось, что они призваны в одну военную часть. Негодование Адий не было предела: «И в армии не удастся избавиться из этого мерзавца», – думал он, кипя возмущением. Узнав от одного лейтенанта, что вопросы распределения по частям решает полковник Иванов, военный комиссар Алматинской области, Адий добился приема. Полковник Иванов внимательно выслушал рассказ Адий об отношениях с Хакимом Тыныбековым, и, обдумав кое-что, обещал оказать помощь. Незамедлительно он вызвал какого-то капитана и поручил ему отправить Адий Шарипова в военную часть №997.

* * *

Адий Шарипов оказался в танковом подразделении, дислоцированном в лесах недалеко от города Волковск в Западной Белоруссии. Дни проходили в напряженных занятиях. Поскольку Адий имел высшее образование, ему было поручено проводить политзанятия с командирами отделений роты, а затем он был вызван для аналогичной работы в штаб полка танковой дивизии в город Волковск. Спустя некоторое время полк был переброшен к границе в район города Белосток, где 7-я танковая дивизия 10-й армии, которая входила в состав Белорусского (Западного) особого военного округа, и встретила войну.

О приближающейся большой войне с Германией говорили многие признаки: шум передвижения больших скоплений техники за границей, разведанные, сообщение перебежчиков. Штаб полка, проанализировав все эти данные, отправлял донесения в штаб армии, однако оттуда приходили команды не обращать внимания на эти движения, ибо они означают только одно – провокационные намерения втянуть Советский Союз в войну. А когда началась массированная бомбардировка советских городов, сел и деревень в припограничной полосе, особенно – военных частей с их техникой и живой силой, было уже поздно. Время было упущено. Связь между штабами и подразделениями прервалась, немецкая мотопехота и танковые колонны уже глубоко вошли в первый эшелон советских армий, разрезая их, окружая попавшие в котлы части, уничтожая военные аэродромы, танковые хранилища, склады с боеприпасами, захватывая в плен разрозненные массы советских солдат и офицеров.

Адий получил приказ от командира батальона: занять со своим взводом позиции и защищать их на Гродненском направлении возле припограничного поселка Хоров. Здесь на рассвете лейтенант Адий Шарипов со своим взводом дал первое сражение наступающим автоматчикам из мотоциклетных групп немецких войск группы «Центр». Бой длился весь день. Враг наступал, нанося массированные артиллерийские и бомбовые удары, автоматный огонь был эффективен на ближних подступах. Советские солдаты были вооружены только винтовками. Они несли большие потери. Адий несколько раз приходилось поднимать своих бойцов в атаку. Однако положение становилось все тяжелее и тяжелее. Для борьбы с танками не хватало гранат, снарядов. Боеприпасы заканчивались. Связь со штабом армии то и дело терялась, когда она восстанавливалась, из коротких переговоров

Адий понимал, что части дивизии расчленены и повсюду отступают. Положение усугублялось тем, что немецкое командование, имевшее большой опыт современной войны, полученный на фронтах всей Европы, действовало умело, жестко и решительно, например, в тыл советских войск на самолетах забрасывался на парашютах десант, который выводил из строя линии связи, устраивал диверсии, сеял панику, захватывал мосты, аэродромы, склады. То и дело в прорыв устремлялись их танковые колонны. Подразделения 10-й армии, неся потери, вынуждены были отступать. Город Белосток был оставлен.

Взвод Адий Шарипова должен был прикрывать отступление штаба полка. Взвод – это 15 солдат, среди них радист Сергей, кроме того, Адий запомнил имена Абдыгали Толегенова и Михаила. После нескольких часов боя, когда боеприпасы были на исходе, Адий решил самостоятельно со своими людьми выходить из окружения. В небе кружили самолеты – разведчики противника, с них разбрасывали листовки. На западе виднелась темная стена сплошного леса, дремучего, с большими болотами. По глухой канонаде, ушедшей далеко на восток, было понятно, что фронт ушел на тридцать километров, если не больше. Нужно было идти на север в леса. Наступил критический момент, когда над головой показалась «Рама» – самолет, который наводил немецких автоматчиков на попавших в окружение советских солдат. В эту минуту Адий вспомнил, как несколько дней назад местный лесник показал ему едва заметную тропу среди деревьев, которая вела среди сплошных болот на затерянный сухой островок. Но где эта тропа? Адий вел солдат по тропе в болотах, сзади уже доносился треск автоматов преследователей. На его взвод наступала целая рота автоматчиков. В неравном бою без боеприпасов взвод его обречен на гибель. И вдруг в глаза бросились вешки – палки, которыми лесник некогда загодя обозначил тайную тропу. Адий махнул рукой, показывая бойцам путь. Они углубились в мрачный лес, долго шли среди трясин, пока не вышли на остров. На этом острове они затаились на пять дней. Однажды ночью по радиации связались со штабом армии, и Адий получил приказ организовать партизанский отряд, собирать рассеянных солдат и офицеров, наносить удары по тылам противника, продвигаться, налаживая связи с другими партизанскими отрядами. Цель была ясна, задачи – поставлены. Но как их выполнять? Одежда, обувь были разорваны, они раскисли от болотной воды, еды не было, солдаты голодали несколько дней. А самое главное – закончились патроны.

Собирая корни и съедобные травы, голодные партизаны осторожно шли по лесу. В очередной шифровке лейтенанту Адий Шарипову было предложено кодовое имя Саша. С этим именем он войдет в историю партизанского движения Белоруссии. Леса Белоруссии часто накрывают обложные долгие дожди. При этом хорошо, когда ты в доме и слышишь шум дождя за стеной или за окном, тогда он может вызвать романтические ощущения. Но когда ты несколько дней в потоках серой холодной воды, когда на тебе нет сухого места, а мокрая одежда превращается в свинцовую тяжесть, суставы начинают ныть, когда под ногами хлябь и жижа, в сапогах хлюпает влага, дождь превращается в смертельного врага. Одно хорошо – в дожди затаивается и враг. Лишь слышно, как по большаку гудит, завывает сотнями моторов вражеская колонна. Идут тягачи, пушки, самоходки, танки, нет конца наступающим немецким частям. Случайно набрали на оставленный советскими солдатами окоп, бродя по нему, нашли несколько целых ручных пулеметов, автоматы, патроны к ним, и еще мины. И тогда Адий осенило

– минные поля встречались повсюду, нужно научиться выкапывать мины. Среди его бойцов были опытные минеры, он объяснил им задачу. Они будут бороться с врагами с помощью мин, а их вдоль дорог и рек – тьма тьмушая.

Все же сильно донимал голод, в глазах мерещились груды теплых, только из печи буханок домашнего хлеба, желтые глыбы сливочного масла, ведра с парным только из-под коровы молоком. Это простая крестьянская еда, но как она важна, когда ты утомлен дождем, холодом, ночевками на сырой земле, постоянными передвижениями по лесной дороге. Однажды вышли к какому-то хутору. В огороде крайней избы возилась на грядках хозяйка. Пожилая женщина, увидев партизан, все поняла по их виду, усадила за стол, подала буханку хлеба, крынку молока. Судорожно заработали челюсти оголодавших бойцов, небывалой вкус крестьянской еды опьянял! Внезапно часовой, оставленный на крыше соседнего сарая, подал условный знак. Похватав оружие, выскочили на крыльцо. И вовремя! Во двор дома входили двое немецких солдат. Они шли, как на прогулке, весело болтая, размахивая руками. У одного пистолет в кобуре, у другого автомат на затворе. Изумление и ужас исказили их лица, когда они увидели партизан. Одна очередь, другая. Враги рухнули на землю. Взяв еду, трофейное оружие, ушли в лес. Так прошел первый бой партизан.

Адий познавал премудрости партизанской войны. Она тяжелее тем, что фронт со всех сторон, трудно обеспечивать бойцов едой, боеприпасами, информацией, медикаментами, одеждой, обувью. Все это надо было доставать, а то и добывать с оружием в руках. Успех партизан зависит от многих факторов. При этом на первом месте – эффективная разведка, она означает следующее: нужно хорошо знать местность, особенно дороги, расположение вражеских частей, укрепрайонов, дотов и дзотов, минные поля, пути отступления на случай сложного боя. В том числе командир партизан должен знать глухие безлюдные места, запасные базы, иметь связи с местным населением, понимать, чем оно дышит, о чем думает, знать тех, кто настроен дружелюбно и тех, кто настроен враждебно. В каждом селе, деревне или хуторе были такие люди, находились и такие, кто, ненавидя Советскую власть, сознательно шел служить врагам, надевал форму полицая. Нужно в каждом селе, городке, деревне иметь своих людей, чтобы вовремя получать сведения от них.

Особенности партизанской тактики в следующем: в умении организовать засаду, в искусстве внезапного нападения на локальные части врага, в минировании дорог, особенно – железной дороги, по которой идут вражеские эшелоны с живой силой, техникой и боеприпасами, в способности добыть вражеского «языка», особенно – офицера. Стратегия же партизанского движения заключалась в следующем: нужно было постоянно наносить урон живой силе и технике врага, систематически подрывать рельсы и мосты на железной дороге, особенно под идущими поездами, отвлекать на себя значительные силы противника, вести постоянную разведку, добывать ценную информацию, особенно в периоды подготовки к большим наступлениям. Постоянная диверсионная работа, изматывание сил противника, борьба с предателями – тоже входила в стратегию партизан. Чем шире и боеспособней партизанское движение, тем больше помощи действующей армии Советского Союза.

Адий помогало многое, его природная сметливость, выносливость, трудовые навыки, даже пастушеские знания и сноровка, ведь надо уметь находить дорогу

глухой ночью в лесу, терпеть голод и холод, приноравливаться к трудностям, ориентироваться по звездам и т.д. Однажды у врага отбили табун верховых коней, целых сто, в кладовках конюшни обнаружили седла. Так Адий стал командиром партизанской конницы, мобильной, скорой, оперативной. Конь может проложить себе дорогу и зимой по глубоким сугробам, это много раз выручало партизан. Нередко партизаны находили в лесу отбившихся или подраненных на mine лошадей, а казахи, как известно, издревле едят конину, она у них считается деликатесом. В условиях многодневного хронического голода казахи научили партизан, русских и белорусов, разделять, варить и есть конину. Это было ценное приобретение из новых навыков. Однажды забили подраненного коня. Взяв мясо, партизаны отнесли подальше и выбросили требуху. Тогда Абдыгали Толегенов принес об-

А. Шарипов вместе с партизанами. Белоруссия. 1941 г.

ратно конскую требуху, показал бойцам, как надо чистить ее, набивать внутренним жиром, варить и есть. У казахов эта часть конины – особое лакомство.

В ноябре небольшой отряд А. Шарипова соединился также с небольшой группой полковника Хлебцева. Встреча произошла в лесу в заранее обговоренном месте. В укрупненном отряде люди почувствовали себя увереннее, настроение улучшилось, а командиры стали задумывать более смелые операции. Тем не менее фашистское командование, имевшее свою агентуру в деревнях и хуторах, тоже не дремало. Оно решило, пока не поздно, уничтожить партизанский отряд, выросший до размеров роты. У партизан был свой разведчик, умелый, бесстрашный, сообразительный, это подросток Толя. Мальчишка, не вызывая подозрений, пробирался в самую гущу врагов. Получив задание, Толя спокойно зашел в расположение немцев, сосчитал количество врагов, а также определил время их наступления. Партизаны тщательно подготовились и устроили засаду в лесу. Когда каратели начали операцию, они попали под шквальный огонь в упор и, не выдержав уничтожающего огня, кинулись в бегство. Отряд карателей

был разбит полностью, в чаще остались лежать более ста человек убитыми и ранеными. Об этом значимом эпизоде красноречиво свидетельствуют материалы исследователей.

Все же район был наводнен немецкими войсками. Затяжные бои изматывали людей. В одном из больших сражений основной отряд попал во вражеское кольцо. Адий со своим отделением, проводя разведку, оторвался от основного отряда. В ожесточенном бою главный отряд прорвал окружение и ушел на юг в обширные леса. Отделение Адий Шарипова взяло курс на север в леса Смоленщины. Это был тяжелый переход по глубоким снегам в лютые морозы. Недостаток еды и теплой одежды сказывался на состоянии партизан. В Ершичинском районе Смоленской области недалеко от деревни Мормозовка партизаны попали в засаду противника. В ожесточенном сражении почти все бойцы, кроме Толегенова, получили ранения. Получил сквозное ранение в грудь и Адий Шарипов. Все же удалось отбиться от врага гранатами и скрыться в лесу. Два месяца ушло на восстановление от тяжелого ранения, все же Адий Шарипов встал в строй и снова возглавил деятельность своего отряда.

Один эпизод красноречиво свидетельствует о находчивости, уме и храбрости партизан. Однажды в лесу появился человек в саях, он гнал и гнал лошадь, тревожно оглядываясь по сторонам. Постовые задержали его, это был пожилой мужчина, он назвался Федором Царьковым из деревни Прищи. Его привели в штаб, и там он рассказал о том, что привело его в лес к партизанам. «Завтра, – сказал он, запинаясь от волнения, – должны расстрелять 40 человек из разных деревень, мужиков и парней. За отказ помогать немцам продуктами староста деревни выдал их как партизан. Комендант района приказал расстрелять их».

Был составлен план спасения людей. На проселочную дорогу вышла рота солдат, одетых в немецкую форму. Азиаты были одеты в форму полицаев. Впереди роты в форме майора вышагивал Василий Зарецкий, отлично говоривший по немецки. Он и вступал в переговоры со встречными немецкими солдатами и офицерами. Пришли в деревушку Прищи. В центре деревни увидели группу понурых мужчин, окруженных вооруженными вражескими солдатами. На вопрос майора немцы объяснили, что водят по деревне арестованных и приговоренных к расстрелу, чтобы жители увидели и были уstraшены. Майор приказал им запереть арестованных в конюшню и выделил из своей роты пять человек для дополнительной охраны приговоренных. Рота колонной двинулась дальше к дому старосты деревни. Дальше события развивались стремительно. В доме старосты унтер-офицер, увидев азиатские лица, схватился за кобуру, однако был уже окружен партизанами в немецкой форме. Возле конюшни охрана тоже была быстро перебита опытными бойцами. Так были спасены люди, обреченные на верную гибель. После этого события многие жители деревни присоединились к партизанскому отряду. Отряд же, получив изрядное пополнение, отсыпался, отдыхал несколько дней.

День ото дня отряд рос за счет местных жителей, советских солдат и офицеров, искавших выход из вражеского окружения. По совету из штаба армии разросшийся отряд был разделен на три бригады. Саша (Адий) был назначен заместителем комиссара второй Клетнянской бригады, одновременно он отвечал за ведение разведки. Командиром бригады был Коротченко Тимофей Михайлович, очень

популярный среди партизан, воевавших в лесах Костюковического района Могилевской области Белоруссии. Коротченко Т.М., в звании подполковника, был умелым, опытным командиром, он тщательно готовил все операции и, будучи прекрасным организатором военного дела, очень серьезно относился к разведке. Он наладил связь с Большой землей, примерно раз в неделю на условленное место, обозначенное ночью сигнальными огнями, приземлялся самолет У-2, который забирал раненных бойцов, добытых «языков», он доставлял боеприпасы, мины, толовые заряды.

Однажды зимой отряд был атакован большими силами карателей, перед которыми была поставлена задача ликвидации всех партизан. Связная Таисия Ивановна вовремя сообщила о приближении карателей. В лесу была организована засада в двадцати километрах от базы. Бой длился 4 часа. Вдруг прилетели вражеские самолеты, начали бомбить партизан. Появились убитые и раненные. С наступлением ночи немецкие войска начали окружать бригаду. Заканчивались боеприпасы. Бой шел тяжелый, затяжной. Командир принял решение ночью всеми силами идти на прорыв кольца. Пробираясь в глубоких снегах, ведя разведку, отделение Саши (Адий) нашло проход, через который можно было уйти в другие леса. Атака удалась, бригада вышла через проход. А немцы еще долго обрушивали пушечный огонь на опустевший лес.

Шел декабрь 1941 года. Эта зима была свирепой по своим жестоким морозам, глубоким, непролазным сугробам. Стужа, усиленная ветром была такая, что пар, выходящий с дыханием, тотчас превращался в иней. От морозного ветра стонали огромные деревья, с треском отламывались ветки и падали на землю, на стволах сосен появлялись глубокие трещины. Раненного Сашу (Адий) привезли на санях к одному хутору. Из небольшого срубного дома вышел бородатый старик и жестом пригласил партизан домой. Бойцы, взяв под руки, помогли командиру войти. Стянули с него жиденькую шинель, она была изрешечена пулевыми отверстиями. Ребята только качали головой, глядя на отверстия. Ранение было в грудь. Сам раненный в ногу партизанский доктор Павел Костенко сделал операцию без наркоза (в качестве наркоза послужил стакан самогонки). Согревшись, Адий задремал было, но жар от раны не давал забыться полноценным сном. Он то и дело открывал глаза, и сквозь туман наплывающей боли и утомления оглядывал комнату, то узнавая, то, не узнавая ее. И все время в поле зрения попадалась синеглазая белокурая девушка, которая торопливо прошивала овчину длинными стежками. Ее большие синие глаза словно светились участием и состраданием, особенно они вспыхивали, когда их взгляды встречались. В смуте немоты и в бреду ему казалось, что он видит сон, и эти дивные синие глаза – это просто видение. «Пить!» – порой стон вырывался из его опаленных жаром, пересохших губ. Девушка вставала, шла в сени, возвращалась с кружкой холодной воды, и тогда, приведенный в чувство вкусом воды, ее теплыми ладонями, которые придерживали его голову, он понимал, что она – не видение, а реальность, похожая на сон.

Утром ему стало лучше, и он почувствовал, что может двигаться. Когда он с трудом приподнялся и стал одеваться, девушка подошла к нему и протянула ему полушубок, ладный, отороченный по краям черным сукном, с пышной овчиной. «Бери, сынок», – кивнул ее отец, бородатый старик. – Дуся старалась, тебе будет тепло в полушубке, а шинель оставь. Она годится только на сито».

Адий с благодарностью смотрел на девушку. Дуся смутилась, опять вспыхнули синими озерцами ее глаза, и на минуту он почувствовал оторопь. И глядя на это замороженное сияние, он понял, что не может отказать ей. «Хоть в пляс иди!» – улыбнулся он девушке. Неожиданно в землянку вошли бойцы и сообщили, что враг недалеко, он уже входит в лес. Поддерживаемый с двух сторон товарищами, Адий покинул гостеприимную землянку.

Этот полушубок столько раз выручал его суровой зимой. Он не расставался с ним, и каждый раз, вдыхая слабый, но терпкий аромат овчины, вспоминал синие глаза девушки. Однажды, во время внезапной атаки врага, когда партизаны должны были спешно отступать, он оставил полушубок под огромной сосной. На нем опять была серая солдатская шинель. Все эти дни шли бои, бригада кружила по лесам, порой возвращаясь в тот лес, где был оставлен полушубок. Однако никак не удавалось подобрать его. Только через два месяца, когда сошел снег, выдался ему случай с группой разведки попасть на то самое место. Ночью наитием он нашел эту сосну, прошел под густо висевший хвойный навес, нагнулся и нащупал пальцами знакомый мех. И опять оголтело ударила трещотка немецких автоматов. Адий вынужден был кинуться в бой. Однако с ним был заветный полушубок. В 1944 году, вызванный в Казахстан, он увезет с собой этот полушубок. Теперь он находится в музее.

Командир подразделения обязан знать своих бойцов. Он должен изучать их характеры, наблюдать за привычками, понимать их слабые и сильные стороны, так как в тяжелом бою они могут проявиться в той или иной степени, и от этого может зависеть судьба коллектива. Постоянное наблюдение за людьми в отряде и изучение их в различных обстоятельствах, в быту, в труде, в экстремальных ситуациях входит в обязанность командира, тем более – комиссара.

Однажды в отряде партизан появился новичок. Хотя он был изнурен долгим переходом, муками голода, пережитыми в зимнем лесу, было ясно, что в мирное время парень выглядел, как говорят, было хоть куда, даже вызывающее. У него были хорошие волосы, зачесанные назад, чистый, выпуклый лоб с заметной родинкой. Звали его Петром Афанасьевым. Партизаны нашли его после боя с немцами в лесу возле станции Павлинки. Был одет он в небывалую рвань, на ногах лапти, и это в такую лютую стужу. Оказался он лейтенантом Красной Армии, членом ВКП(б), попал в окружение под Вязьмой. Все это время безуспешно прорывался из окружения с группой сослуживцев. Возле деревни Глинки группа напоролась на засаду, и в бою Петр потерял товарищей. Три месяца он блуждал в лесах, отчаянно голодал, дошел до предела терпения.

У партизан было правило – не верить с первых слов человеку, а проверять и изучать его, особенно в боях. «Где партбилет?» – спросил командир бригады Коротченко Т.М. Парень без лишних слов распорол изнанку ватника и достал оттуда затрепанную коричневую книжицу. Складки на лбу Коротченко разгладились. Он как-то мягко взглянул на новичка.

– Кем был в своей части? – спросил он.

– Командиром взвода автоматчиков, – ответил Петр.

– Покажешь себя в бою, и там посмотрим, – уже не слушая возражений секретаря райкома Бахтина, веско сказал командир. Принесли Петру трофейную одежду, когда он переодевался, Адий заметил на его спине длинные рубцы – шрамы. На вопрос, откуда у него они, Петр ответил, что когда блуждал три месяца в лесах,

однажды попал в руки полицаев. Здоровенные, как бугаи, полицаи зверски избили его, причем начальник приказал бить его кнутом. Истерзанного пленника они заперли в сарае. Ночью Петр пришел в себя, собрался с силами, разобрал жерди потолка и выбрался наружу.

Партизаны часто кормились болтушкой из простой муки. Во время обеда Петр старался есть аккуратно, но такое жадное нетерпение пробивалось в нем, что стало ясно – человек действительно изголодался. Наблюдали за ним и вручив ему трофейный автомат. Петр разбирал и собирал оружие как бывалый автоматчик, аккуратно протирал части масляной ветошью, словом показывал все навыки умелого бойца.

А. Шарипов – командир партизанского отряда. Белоруссия, 1941 г.

Петр Афанасьев оказался в партизанском отряде в тот самый период, когда немецкое командование развернуло огромную операцию по уничтожению сил сопротивления во всех белорусских лесах. Для этой цели были сняты с фронта несколько регулярных дивизий. Корпус карателей в сто тысяч солдат был брошен на борьбу с партизанами. Кроме того, генеральный штаб гитлеровцев готовил зимнее наступление на Сталинград. Для успешного проведения этого масштабного блицкрига силами нескольких армий нужно было раз и навсегда покончить с партизанским движением в тылу. Партизанские отряды своими операциями причиняли большое беспокойство немцам: мало того, что они пускали под откос десятки эшелонов с техникой и живой силой, они оттягивали на себя крупные боеспособные части, корпуса и дивизии, и сковывали их, а ведь в них ощущалась острая нехватка на фронте.

Осведомленные об этих планах генштаба гитлеровцев, командиры партизанских соединений развернули диверсионную деятельность на железной дороге. Необходимо было уничтожить станцию Павлинки, а главное – мост через речку Беседь. Умелая связная – молоденькая девушка, бывшая учительница, смелой разведкой добыла сведения. Станцию охраняла рота немецких солдат. Ночью в лесу Т.М. Коротченко выстроил отряд и поставил задачу: снять охрану моста, завязать бой возле казармы, заминировать мост и водонапорную башню, взорвать эти объекты и организованно отступить на заготовленные позиции в лесу.

В полночь партизаны окружили станцию. Долго наблюдали за ней. На железной дороге стоял эшелон. На платформах находилась боевая техника, тщательно укрытая брезентом, затянутая крепежами. Вдоль дороги расхаживали автоматчики. Но вот состав тронулся с места, мерно застучал колесами, исчезая за поворотом на востоке. На станции остались лишь трое часовых в длинных тулупах, они расхаживали возле водонапорной башни, время от времени перекликаясь. Ветер поднимал легкую поземку, гнал их струйками вдоль рельсов. Начиналась метель, часовые подняли ворота тулупов. Их ждала суровая, морозная ночь. Вдруг они

исчезли, словно разом сквозь землю провалились. Это была мастерская работа партизанских разведчиков. Первые ряды партизан бросились к казармам, минеры поползли к рельсам и водонапорной башне. Все шло по плану. Завязался первый бой. Резкие удары винтовочных выстрелов и гулкая дробь автоматных очередей раскромсали тишину. Выбегающие из казармы полуодетые солдаты падали под меткими выстрелами. И вдруг шум боя распорола длинная очередь немецкого пулемета. В рядах партизан появились первые раненные. Атакуя, они не заметили пулеметного гнезда – блиндажа рядом с высокой водонапорной башней. Блиндаж изрыгал смертоносный свинцовый огонь, в темноте казалось, что это огнедышащий зверь.

Адий заметил, как от партизан отделился один боец и быстро пополз к пульсирующему огнем блиндажу. По одежде он понял, что это Петр Афанасьев. Когда до огневой точки остались несколько десятком метров, он приподнялся и метко бросил гранату. Бросок был мастерский, граната точно угодила в цель. Раздался взрыв, пулемет, словно захлебнувшись, замолчал. Но вот прогремело еще несколько мощных взрывов. Медленно, грузно кренясь, повалилась башня, с металлическим скрежетом тяжело рухнул в реку мост. Боевая задача отряда была выполнена. Вернувшись на запасную базу, партизаны забрались в свои землянки, разожгли огонь и с наслаждением разлеглись на заранее заготовленных ложах из хвои. Теперь они могли позволить себе отдых. Командиры же собрались на совещание. Во время разбора прошедшего боя было обращено особое внимание на точные действия Петра Афанасьева. Его навыки бывалого взводного офицера-автоматчика во многом помогли отряду выполнить сложную и опасную задачу. Было ясно, что партизаны получили ценного бойца, что и выяснилось в последующем.

В конечном счете, оправдали себя и пристальное внимание командиров практически к каждому человеку и систематический анализ особенностей характера и деятельности всех членов отряда. Тем не менее нельзя не назвать несколько случаев, когда в ряды отряда затесались замаскированные вражеские агенты и предатели. Разоблачить их помогла продуманная контрразведка, налаженная в бригаде. Например, неусыпная слежка за человеком с подозрительным поведением дала свои результаты в одном конкретном случае: в результате был разоблачен немецкий агент, предатель, прикидывавшийся веселым гармонистом, таким своим парнем. На привалах он почему-то уходил в сторону от людей, и при этом всегда уносил с собой свою гармонь. Наблюдение за ним показало, что в лесу он в одиночестве выстукивает на клавиатуре гармошки отнюдь не музыку. Контрразведчики накинулись на него, связали. Распотрошив гармонь ножами, они обнаружили миниатюрную радиостанцию, с помощью которой радист передавал немцам сведения о передвижениях отряда. Так выяснилась причина того, почему в течение ряда месяцев партизанам не удавалось оторваться от преследования врага и почему его самолеты-бомбардировщики почти всегда находили в лесу базу отряда.

Как-то бригада получила из штаба армии приказ – вывести из строя крупную узловую станцию Пригорье. Связная по имени Тамара добыла нужные сведения. Они были таковы: на станции имеется крупный гарнизон, две роты солдат проживают в казарме – здании бывшей школы. Возле вокзала оборудованы два дзота с тремя пулеметными амбразурами, пушки находятся возле водокачки и водохранилища. В депо сосредоточено около сорока исправных паровозов.

На совещании Коротченко Т.М. поставил перед командирами задачу. Необходимо организовать нападение на станцию с четырех сторон, 1-й батальон атакует с востока, 2-й и 3-й – с южной стороны, отдельная бригада имени Лазо ворвется на станцию с запада. На севере должна действовать рота автоматчиков, которая перед самым боем должна взорвать водокачку, здание депо и паровозы в ней. Группа минеров должна подорвать толовыми шашками столбы линии связи, такая диверсия на время задержала бы неизбежное появление карательных отрядов. Продуманные и взаимосвязанные действия всех подразделений должны были привести бригадное соединение партизан к успеху.

Ночью начался моросящий тихий дождь. Накрапывая, он шел почти до утра. От земли шел терпкий запах свежей травы. В такой дождь хорошо лежать где-нибудь в тепле и думать о чем-то хорошем. Например, вспоминать далекую родину, такие же дожди, которые омывают прохладой горные склоны Алтая, орошая свежей влагой рощи березы, осины и черемухи, далеко разнося стойкий запах травы, грибов и спеющей земляники. Душа Адий всегда была расположена к поэзии. Однако военная обстановка требовала своего, необходимо нога в ногу идти за строем бойцов, идущих в ночь выполнять опасное боевое задание. Нужно чутко улавливать настроение людей, идти умеючи, не выдавая себя ни лишним шумом, ни огоньком самокрутки, ни напрасной суетой. Каждый боец должен быть на своем месте и должен действовать своевременно. Как-то разведчики привели измученную пожилую женщину. Она сообщила, что на станции стоит эшелон с пленными женщинами для Германии, в товарных вагонах их триста человек. Следовательно, в бою женщины ни в коем случае не должны пострадать. Сообщение об этом довели до каждого бойца.

Рота автоматчиков подкралась к школе. Жилбек, командир роты, приказал Петру Афанасьеву бесшумно снять часового. Петька без лишних слов кивнул, сноровисто пополз вперед и с расстояния 30 метров выстрелом из винтовки с глушителем свалил часового. Совсем некстати из-за угла вышел второй часовой и ошеломленно уставился на упавшего товарища. Выругавшись, Петька снова вскинул винтовку, глухо щелкнул второй выстрел. Раненный часовой истошно завопил. Внутри казармы поднялась паника. Теперь необходимо было действовать всеми силами. Рота поднялась в атаку и, строча из автоматов по окнам казармы, устремилась к дверям. Партизаны начали закидывать гранаты в окна здания. Немецкие солдаты выбегали в одном белье и тут же падали, скошенные свинцовым градом. Дружно заработали пулеметы дзотов, яростно огрызаясь огненными струями. Вдруг уши заложило от оглушительного взрыва – это разлетелось на куски взорванное минерами здание депо. Все же сопротивление немцев усилилось, выжившие солдаты скучились за бетонным сооружением дзота и оттуда под прикрытием трех пулеметов начали шквальный огонь из автоматов. Огненные пункты трассирующих пуль разлетались по всей станции. Снова прогремели мощные взрывы. Это минеры подрывали паровозы. Бой длился почти до самого рассвета. Немецкие солдаты оборонялись в хорошо укрепленном здании вокзала, откуда без пушек их выкурить было невозможно. Прибежали разведчики и доложили, что триста девушек освобождены и уведены в лес. Тогда Коротченко, облегченно вздохнув, приказал партизанам отходить на запасные базы. В этом сражении была уничтожена большая часть немецкого батальона, взорваны депо, паровозы, водокачка, железнодорожные пути, а самое главное, освобождены

пленницы. Однако отряд вышел из боя не без урона, партизаны несли с собой раненных товарищей. Их было довольно много.

Партизаны были особенно довольны тем, что вовремя освободили из плена триста девушек. Глядя на их счастливые лица, Адий вспомнил Дусю, ее синие глаза, в улыбке полыхающие чистыми озерами. Красивые, молодые славянские девушки, стройные, крепкие телом! Для чего везли их в Германию? Миллионы уже были увезены. Уже после войны стали ясны масштабы чудовищного фашистского плана уничтожения целых этносов, евреев, цыган, славян, порабощения их остатков, превращения целых их сословий в слуг, жалких батраков, рабов на плантациях. Лучшие образцы этих народов, по задумке Геббельса, должны были послужить для генетического улучшения арийской расы.

После этой крупной операции началась полоса тяжелых дней. Практически каждый день над базой партизан появлялись немецкие «Юнкеры», методично разгружавшиеся от бомбового груза. Бомбежка приводила к появлению в отряде убитых и тяжело раненных. Артиллерийские обстрелы немцев тоже были на удивление точны. Партизаны меняли свои базы, но враги очень скоро находили места новой их дислокации. И тогда командование партизанских соединений и контрразведка призадумалась: «Каким образом враги так скоро находят в обширных и дремучих белорусских лесах хорошо укрытые базы партизан? Наверное, в их рядах есть предатели, вражеские агенты?» Как было написано выше, это подозрение оправдалось, вскоре был разоблачен лазутчик – так называемый гармонист. По виду это был обыкновенный русский парень, душа нараспашку разудалый молодец. На поверку он оказался предателем, отщепенцем с гнилой душой. «В чем природа предательства Родины? Почему иные люди идут на такой шаг? Из-за трусости, корыстных интересов, или они из числа тех социальных слоев, которые всегда ненавидели Советскую власть? Например, среди крестьян было немало бывших раскулаченных, миллионами их ссылали в Сибирь, на Алтай, в Казахстан, Среднюю Азию, разными путями они потом оказались в частях Советской Армии. Они то и составили потом армию генерала Власова», – размышлял потом Адий Шарипов. Думал об этом он и после войны. И всякий раз вспоминал историю Хакима Тыныбекова.

Как только началась война, еще продолжалось героическое сопротивление защитников Брестской крепости, Хаким Тыныбеков после первого же боя своей части, перешел на сторону врага. В плену он тоже находился недолго. Его намерения выявились полностью, он связался с людьми Розенберга, дав знать, что готов служить фашистам. Он немедленно был перевезен в Берлин, где встретился с ответственными людьми Розенберга. Пройдя проверку гестапо, он принялся изучать немецкий язык. На это у него ушло шесть месяцев. В результате он становится редактором профашистской газеты «Туркестан милэтләрі». На страницах этой газеты он опубликовал множество статей, направленных против Советской Родины. Он призывал советских солдат, в частности из Казахстана и Средней Азии, скорее сдаваться и переходить на сторону немцев. Его статьи в виде листовок потом сбрасывались с самолетов над расположением советских частей. Судя по всему, в планы гитлеровских стратегов входило назначение Хакима Тыныбекова одним из руководящих лиц будущего Туркестана под протекторатом Германии. Об этом знали и в Москве, поэтому в 1943 году пришел приказ о немедленном аресте Хакима Тыныбекова, если он попадет в руки Красной Армии.

Дальнейший путь Хакима Тыныбекова складывался следующим образом. Он женился на немецкой девушке из числа пленных женщин, привезенных из Днепропетровска. Она родила ему дочь. В Берлине, в центре города, они купили двухкомнатную квартиру. Однако замыслам Хакима Тыныбекова не было суждено сбыться. После поражения немецкой армии он бежал в Австрию, где нашел убежище в небольшом городке, в заброшенном доме недалеко от границы с Германией. Однажды он увидел объявление, которое требовало от беженцев срочно отметиться в английской комендатуре. Ничего не подозревающий Хаким Тыныбеков с документами пришел в комендатуру. Там, изучив его паспорт, сказали, что он человек, очень нужный Англии, что его немедленно перевезут самолетом в Великобританию. Такой поворот событий устраивал Хакима Тыныбекова. Вскоре приехали три лимузина с затененными стеклами, Тыныбекова посадили между двумя военными и повезли. Везли долго, наконец, остановились возле одноэтажного дома, окруженного тенистым садом. Тут попутчики внезапно заговорили на русском языке, сопровождающие оказались майором и полковником Советской армии. Так Хаким Тыныбеков попал в руки работников советской комендатуры в зоне подконтрольных территорий. То, что произошло далее, было закономерным. Хаким Тыныбеков был привезен в Алма-Ату, где заключен в камере здания НКВД на ул. Дзержинского и Виноградова. Перед следствием в одном из комнат произошла встреча с аксакалами – родителями, и Хакиму Тыныбекову пришлось услышать родовое проклятие от самых близких людей. В тот же год отец и мать Тыныбекова скоростижно скончались, такова была глубина их горького потрясения.

Дело Хакима Тыныбекова расследовалось долго. Скорее всего, он был бы приговорен к расстрелу, однако в тот год вышло постановление Верховного Совета КазССР о замене высшей меры наказания – расстрела двадцатью пятью годами заключения строгого режима. Так Хаким Тыныбеков волей судьбы избежал верной гибели. Адий Шарипову еще было суждено встретиться с этим невероятным везунчиком. В 1956 году, когда он был в должности зам.министра образования республики, Хаким Тыныбеков наведаясь к нему домой. Первым желанием, вспыхнувшим в душе Адий, было – гнать прочь наглеца. Однако он вспомнил удивительную поговорку казахского народа: «Если в тебя бросят камнем, ты отведь куском хлеба». Он не раз слышал эти слова от матери. И он попросил жену накрыть дастархан, накормить гостя. Загира так и сделала. За столом Тыныбеков развязно хохотал, как ни в чем ни бывало, шутил. За этим столом он и поведал свою жизненную историю.

Через несколько месяцев Хаким заявился опять. С умоляющим видом он просил устроить его на работу. Оказывается, после освобождения из заключения как бывшего прислужника фашистов его нигде не брали на работу. Адий Шарипов, подумав, прикинув все варианты, принялся хлопотать об устройстве Хакима Тыныбекова на работу учителем немецкого языка в семилетнюю школу им. Ворошилова в Каскеленском районе. Тыныбеков многие годы работал там, потом, в конце концов, сильно запил, его уволили, а жена ушла от него. Хаким Тыныбеков уехал к родичам в Актюбинскую область, однажды зимой в гостях у родственников он напился, да так, что никто не мог его остановить. Затем он вышел на улицу, хотя его уговаривали не делать этого, и в лютый мороз пошел домой пешком через степь. Через несколько дней нашли его окоченевшее тело.

Он сбился с пути и замерз в безлюдной степи. Так завершился жизненный путь поначалу стукача, а потом предателя Родины.

Размышляя о жизненном пути Хакима Тыныбекова, Адий Шарипов понял, что в душе этого человека изначально имелись порочные черты. Например, еще в студенческие годы он заметил, что Хаким был завистлив, не переносил успеха товарищей, не имея представления о мужской чести и достоинстве, грубо относился к девушкам. Он не имел понятия (или не хотел иметь) о том, что человек должен работать над собой, бороться со своими недостатками. Зависть и ревность точили его душу. Возможно, он решил воспользоваться для скорой карьеры обстоятельствами 1936-37 гг., когда люди жили в страхе перед возможным арестом НКВДэшниками, ведь донос негласно поощрялся верхами. Ведь в те годы доносчики расправлялись с людьми зачастую из меркантильных соображений, например, нужно было завладеть вожаденной квартирой или должностью, которые освобождались после исчезновения ненужного человека. Пышным цветом тогда расцвели подлость, низость, ненависть к людям высокоодаренным, широко образованным, неординарно талантливым. Но ведь эти завистники (в том числе и фанатичные патриоты с плоским сознанием) были по своему слепы, они не понимали, что есть высшие законы бытия, которые неизбежно приведут к расплате, к воздаянию за содеянное. Никому не дано победить время, его ход абсолютно неумолим, и рано или поздно человек на закате жизни встретится с итогом своих деяний. Хаким Тыныбеков, в 1936-37 гг. совершив донос на своего товарища-студента, наверное, не думал, не гадал, что через несколько лет перейдет на сторону фашистов. В нем порочная тьма была заложена с юности, и она, набирая силу, трансформируясь, привела его в тот лагерь, в котором он должен был быть по параметрам своей темной души.

Природа героизма совсем другая. Думая о гибели Петра Афанасьева, Адий Шарипов прозревал и другой путь эволюции души человека. В годы Великой Отечественной войны множество людей совершили подвиг самопожертвования во имя Родины, надо понимать, что большинство их осталось в неизвестности. В чем же природа героизма, как человек идет к нему? Это качество, скорее всего, связано со способностью человека любить высоко, беззаветно, духовно. Чаще всего такой человек не думает об этом своем качестве, оно просто является его органическим природным свойством, корнем его натуры. Кроме того, такой человек обычно совестлив, много думает о себе, наблюдает за самим собой и борется со своими недостатками. Бесценные качества заложены в способности человека неумолимо работать со своими дурными наклонностями и побеждать их. Так, например, на фронте в условиях боевых действий такой человек начинает бороться со страхом. Не бывает человека, который чего-то не боялся бы. Например, на войне не бывает человека, который не боялся бы смерти. Свист пуль, грохот разрывов снарядов, гул летящих бомбардировщиков, нервный перестук вражеских автоматов... Страх – естественная реакция человека на все неожиданное, опасное, неизвестное. Если не победить страх, если потакать ему, он может завести человека в бездонную пучину. Такие варианты гибели личности прекрасно показаны в великих романах Ф.М. Достоевского. Эти сюжеты хрестоматийны и отнюдь не выдуманы. Ежедневно работая над самим собой, побеждая страх, вырастая в самом себе над темным горизонтом низменных инстинктов, эгоистических желаний, личность движется к духовным высотам, и высшая из них – героизм. Таким

путем шел, например, Петр Афанасьев. А ведь в отряде поначалу не доверяли ему, бдительно наблюдали за ним. Война – это великая школа человековедения, она все ставит на свои места. Она поставила на свое законное место и Хакима Тыныбекова, иначе он много лет морочил бы голову людям своим лицедейством и изощренной подлостью.

Однажды штаб армии прислал на самолете своего представителя, капитан Красной Армии. Когда рослый, плечистый капитан вышел из кустов и сбросил парашют, люди на минуту замерли. Они уже отвыкли видеть советского офицера в полном обмундировании, сами партизаны были одеты кто во что, кто в телогрейку, полушубок, даже в немецкую шинель. Капитан Шилин оказался участником великой битвы под Сталинградом. Его рассказ об этом масштабном сражении, когда в окружении советских войск оказалась отборная армия фельдмаршала Паулюса, в плен попали триста тысяч немецких солдат и офицеров, произвел огромное впечатление на партизан. Они поняли, что эшелоны, которые они подрывали и пускали под откос, шли именно на это поле битвы. Следовательно, в победе советских войск под Сталинградом есть и их вклад.

Приближалась титаническая Курская танковая битва, фашистское командование, не смирившись с очередным поражением, стремилось к реваншу. А для этого нужна была большая и впечатляющая победа. Ставилась цель окружить советские армии на Курской дуге. В этих условиях, когда по всем железным дорогам на юго-восточном направлении шли поезда с боевой техникой, часто танками, во имя победы нужно было, чтобы партизаны развернули «рельсовую войну». Капитан Шилин сообщил, что каждый отряд будет в достаточном количестве снабжен взрывчаткой, причем нового образца. Поскольку бригада Коротченко вместе с капитаном получила семь тюков с оружием и взрывчаткой, минеры долго разглядывали темные бруски с отверстиями для запалов, они были похожи на куски обычного хозяйственного мыла.

На совещании решили обратить особое внимание на железную дорогу по линии Кричев-Унеча. Там было замечено оживленное движение транспорта. На разведку было отправлено отделение Смирнова. С этим отделением вышел и Адий (Саша). Шли всю ночь, подошли к одной деревушке. Дальше на разведку отправились Батырхан и Тамара. Они вернулись через час и доложили, что в деревне немцы. Решили обойти ее стороной. Продвигаясь восточнее разъезда Бони, партизаны в сумерках подошли к насыпи железной дороги. Долго всматривались, нет ли вражеского патруля. Затем Адий приказал Батырхану заложить взрывчатку. Тот сноровисто пополз к рельсам. Другие минеры шли параллельным курсом, рельсы нужно было взорвать во многих местах, причем не на стыках, а посередине, чтобы их нельзя было восстановить. Взорванные посередине рельсы разрывало на куски и гнуло таким образом, что потом обломки оказывались совершенно бесполезными. Над дорогой царил тишина. Адий дал команду поджечь шнуры. Партизаны отползли от насыпи и кинулись в лес. Раздалась серия взрывов огромной силы. На насыпи образовались воронки, изогнутые, вывернутые рельсы торчали концами неведомых монстров. Новая взрывчатка показала свою силу.

Тотчас со стороны разъезда прозвучали выстрелы минометов, над лесом провыли снаряды, началась долгая канонада, орудия немцев били вслепую. Саша (Адий) уже выводил отделение минеров из опасной зоны. Они были уже в не-

скольких километров, когда в покинутом местечке началась оголтелая пальба из автоматов и пулеметов. В ту ночь бригада Коротченко провела несколько подобных операций, при этом обошлось без потерь личного состава.

Отдельная крупная операция была проведена бригадой Коротченко по взрыву моста через реку Беседь в 10 километрах от станции Белинковичи. Этот мост представлял собой значимый для фашистов стратегический объект, поэтому он охранялся особенно тщательно и немалыми силами. На совещании командиров Коротченко сказал, что была проведена разведка, анализ показал следующее: мост охраняется батальоном солдат, по запасному пути туда и сюда ходит бронепоезд, оснащенный пушками. В 5 километрах на разъезде Бони занимает позиции еще рота немцев. На въезде на мост сооружен дзот, по обоим берегам реки устроены обширные минные поля и заграждения из колючей проволоки. Задача заключалась в том, что с наименьшими потерями надо взорвать мост и нанести ощутимый урон живой силе врага.

В тот день и обед и ужин были отменными. Партизаны были оживлены, они шутили, весело гомонили. Их настроение говорило о том, что они с готовностью шли на опасное, но ответственное боевое задание. Ночью бригада вышла в поход, шли батальонными колоннами, соблюдая режим бдительности. Благо, что дремучие брянские леса позволяли делать это. На большом привале вновь была уточнена задача: рота Жилбека должна была выйти к станции Белинковичи и на удалении от нее взорвать рельсы на протяжении 2-х километров. Такая мера нужна для того, чтобы со станции не пришла подмога немцев к боевому охранению моста. Диверсионная группа Саши (Адий) и Павлика Смирнова должна была взорвать опоры моста. Капитану Шилину поручалось проложить широкие проходы к мосту через минные поля и проволочные заграждения. Все остальные отряды партизан должны были в бою парализовать силы противника возле моста и разъезда Бони, отражать атаки вражеской подмоги, если она прибывает. Кроме того, 1-й батальон Лебедева должен начать сражение в районе станции Белинковичи, поскольку крупные силы противника собраны именно там.

Природа словно помогала партизанам, стояла глухая безлунная ночь, шел порывистый холодный дождь. Дождь, хлещущий по листве, создавал волны шума, он способствовал продвижению партизан в сырой темноте. В такую промозглую погоду обычно немцы отсиживались в тепле.

Все-таки охрана моста заметила партизан и открыла яростный огонь на поражение, началась стрельба из минометов. Был ранен капитан Шилин, но он остался в строю, а его люди все-таки проложили путь через минное поле. Через эти проходы к мосту ринулись бойцы, следом за ними побежали подрывники Саши (Адий). Под сильным перекрестным огнем они прикрепили тол к опорам моста, отползли и подожгли шнур. Гроыхнул мощный взрыв, потом другой. Полотно моста горбом приподнялось в воздух и с диким скрежетом рухнуло в реку. Затем глухо загремели взрывы на железной дороге в стороне станции Белинковичи. Вражеские осветительные ракеты взлетали одна за другой, и в их свете хорошо были видны багровые султаны взрывов, далеко летящие шпалы, куски рельсов, проводов, ошметки земли. Автоколонны немцев ринулись по шоссе выручать своих. Впереди мчался лимузин с начальством. Вот колонна вышла на участок, заминированный заранее. Лебедев приказал: «Огонь!». Фонтаны взрывов опрокинули колонну, разнесли технику по сторонам дороги, крики раненных немцев

смешались с автоматным огнем партизан, уничтожавших выживших. Лимузин слепо закрутился на месте. На шоссе выскочил офицер, по всему было видно – гестаповец. Прижав к груди автомат, он принял отстреливаться. Он строчил из автомата наугад, поливая градом пуль обочины. Поняв, что это важная птица, бойцы решили взять его живым. Когда патроны кончились, два партизана, Володя и Жилбек накинулись на гестаповца. Скрутили его. Как оказалось, офицера звали Ранкенау. Он все время твердил, что партизаны вели войну не по правилам, тем самым нарушили международные договоры. Дали знать о пленнике в Центр, откуда сообщили, что его следует отправить в Москву. Первым же самолетом пленник был передан Центру.

В связи с подготовкой наступления на Курском направлении летнее наступление противника должно было быть особенно масштабным и ожесточенным. Поэтому, получив предостережение из Центра, штаб бригады интенсивно работал над встречными планами. Нужно было организовать рубежи обороны достаточно далеко от базы, примерно в сорока километрах. Бои должны были быть локальными, изматывающими противника с постепенным отступлением в боковом направлении от базы. Это была давняя и хорошо отработанная тактика партизан.

В день «икс» с наступлением вечера вся бригада поднялась и вышла в дальнюю дорогу. Шли всю ночь, за два года боев партизаны привыкли к трудным пешим переходам по лесам и болотам. Утром были на месте. Выходило солнце. Над зимним лесом разливался свет, деревья стояли, словно седые старики, закутанные в запорошенные бурые тулупы. Мороз пощипывал щеки, покалывал незащищенную одеждой кожу. На самой опушке леса стояло дерево-великан. Закинув аркан с петлей на высокую ветку, разведчик ловко забрался наверх. Он взгляделся вдаль и крикнул с высоты: «Едут!»

Карательный отряд продвигался к лесу на саях и лошадях. Автоколонна, довольно-таки длинная, застряла в сугробах в километре от поля. Однако танков и пушек видно не было. Снежная зима помогала партизанам, тяжелая техника врага не могла продвигаться по сугробам бездорожья и застревала на обочинах большевиков. Видимо, переоценив свои возможности и свое превосходство в живой силе, противник двигался к лесу беспечно, без боевого охранения и разведки. Вот авангард подошел к деревьям. Хлестко прозвучала команда: «Огонь!» Залпы винтовок и дружный автоматный огонь обрушились на врага. Немцы врассыпную кинулись с саней, зарываясь в сугробы. Однако снег не может остановить убойный свинцовый огонь с близкого расстояния. Потери противника увеличивались с каждой минутой, и тогда солдаты бросились бежать к далекой автоколонне. Преследуя бегущего врага, захватывая брошенное оружие и лошадей с саями, партизаны взяли в плен раненного начальника полиции. Командир бригады Коротченко сам допросил его. Изрядно струхнувший полицай выдал все, что знал. В карательном отряде было пятьсот солдат, танки и пушки остались на большеке, в этот район направлены и другие крупные силы немцев. Разворачивалась большая операция карателей, так как фюрер приказал раз и навсегда покончить с партизанским движением в лесах России, Украины и Белоруссии.

Несмотря на успех в этом бою, перспективы партизан ухудшались с каждым днем, так как в леса действительно прибывали крупные немецкие силы. Бригада, как и другие соединения партизан, оказалась в окружении. Непрерывные бои,

постоянные передвижения из леса в лес привели к тому, что люди начали уставать, подходил к концу запас фуража для лошадей. Серьезным фактором стал растущий обоз с ранеными, он все ощутимее ограничивал мобильность отряда. В одном затяжном бою вышли из строя сразу несколько командиров рот. Однако в окружении самым опасным было истощение запаса боеприпасов. Обдумав сложившиеся обстоятельства, Саша (Адий) подошел к командиру бригады и сказал, что хочет со своими разведчиками (60 бойцов резерва) зайти в тыл врага и ударить ему в спину. Коротченко, подумав, дал согласие, так как другого выхода у окруженной бригады просто не было. Нужно было идти на риск. Отряд Саши (Адий) с опытными Петром Афанасьевым и Батырханом, в темноте направились в сторону Хотимского леса. Там они нашли вражескую часть, осторожно подкрались. Немецкие солдаты грелись возле костров, они жались к огню, лес пугал их. Ползком партизаны обошли их посты, зашли в тыл противника, и затем по команде Адий открыли яростный огонь на поражение. Гул залпов и стук автоматных очередей шквалом покатился по встревоженному лесу. Натиск отряда Саши (Адий) усиливался. Решив, что к окруженным партизанам пришла большая подмога, враг запаниковал. И тогда Коротченко приказал 1-му и 2-му батальону ударить по противнику, продвигаться навстречу отряду Адий, в созданный коридор нужно было направить обоз с ранеными бойцами. Из соседних деревьев за гребнем леса поднимались в воздух красные ракеты, то немцы переговаривались сигналами, давая знать, что помощь подоспеет вовремя. Однако партизаны, хорошо знающие местность, знали, что сквозь глубокие сугробы и завалы снега никакая техника не пробьется, поэтому били по врагу наверняка, со спокойной силой. И действительно, коридор для обоза был пробит, санный отряд прошел по нему. Следом, отбиваясь от немецких автоматчиков, отступала и сама бригада. В этом бою от взрыва мины погиб Петр Афанасьев. Это была большая потеря для партизанского отряда. Смерть забрала у них бесстрашного человека, ловкого, умелого бойца и опытного командира. Был серьезно ранен Саша (Адий). Врач, осмотрев его, начав приготовления к операции, сказал, что роковой опасности нет. Партизаны перевели дух, надежда все-таки была. Батырхан показал шинель Адий, в ней было множество отверстий. Бойцы, пораженные, смотрели на шинель, которая была похожа на большое шерстяное сито. Батырхан улыбался и повторял одно и то же: «Он же заговоренный. Он будет жить и еще повоюет».

Будет потом еще много боев, еще более опасных, суровых и ожесточенных. Саша (Адий) с мужеством и честью пройдет все эти испытания, израненный, он вернется в Казахстан в 1944 году по вызову правительства республики.

Таким образом, Адий Шарипов, призванный в Красную Армию в феврале 1940 года, провоевал в Белоруссии 27 месяцев подряд, после тяжелого ранения весной 1944 года вернулся на родину, в Казахстан. Вот что пишет бывший партизан, командир батальона 2-ой партизанской бригады, подполковник в отставке, В. Добровольский: «Боевые действия смоленских партизан внесли ощутимый вклад в победу нашего народа и его вооруженных сил над немецко-фашистскими захватчиками. Более 200 тысяч солдат и офицеров противника, 53 самолета, 500 танков, тысячи машин и паровозов, уничтоженных в боях смоленскими партизанами, говорят о широком размахе партизанского движения и являются, на мой взгляд, убедительным доказательством того, что эта борьба была упорной и грамотной в военном отношении... (сокращение наше - А. Ж.) Много теплых

слов заслуживает бывший комсорг нашей бригады Адий Шарипович Шарипов... Саша Шарипов, так звали его в бригаде, используя свой немалый опыт педагогической работы, опыт армейского политработника и писателя, много сделал для утверждения сознательной дисциплины, боевой выучки партизан бригады, в воспитании их высоких моральных качеств».

Эти слова красноречиво свидетельствуют о немалом вкладе Адий Шарипова, писателя, партизана, в дело великой победы советского народа и его вооруженных сил над немецко-фашистскими войсками в 1941-45 гг.

* * *

Но вот Адий в Алма-Ате. Поезд шел десять дней, и пассажиры, как водилось в те годы, за время поездки окрашивались дочерна копотью, щедро выбрасываемой паровозной трубой. Они мечтали только об одном, о бане и отдыхе после утомительной дороги. Адий со спутниками направились в баню, которая в те годы находилась на улице Фонтанная. От души насладившись банным паром и горячей водой, отдохнув, он направил стопы к старому учителю, преподавателю КазПИ, Александру Харламовичу Ленчевскому. Он хотел узнать от старого учителя, где его семья и кто из знакомых есть в Алма-Ате. Ленчевский жил на улице Советской. Старый учитель оказался дома. Согбенный старец, донельзя исхудалый, похожий на тень, с глубоко ввалившимися щеками и тусклыми глазами, обрадовался, увидев Адий. Он был один и не решался пригласить бывшего ученика сесть за стол, и Адий догадался, в чем дело. На столе лежал кусок черного хлеба, стоял стакан воды и больше ничего. На полках и в шкафах было пусто. Стало ясно, почему старый учитель выглядел таким истощенным. На сердце защемило. Адий развязал свою котомку, вытащил шмат сала, буханку белого хлеба, нарезал ломтиками и пододвинул к старику. Они вскипятили воду, за чаем разговорились. Расспросив Адий о его партизанском прошлом, Ленчевский, наконец, сказал, что видел как-то Тайыра Жарокова, и от него узнал, что семья Адий Шарипова по-прежнему находится в Каскелене. Сам Тайыр Жароков тоже жил в Каскелене и работал военным комиссаром района. Услышав такие вести, Адий облегченно вздохнул. Теперь надо было добраться до Каскелена.

В те времена автобусы не курсировали по улицам города, не было транспорта и между Алма-Атой и Каскеленом. Нужно было ловить попутку, а как ее поймать, если ни одна машина не останавливается на поднятую руку, да и машин-то почти нет, за полчаса проедет один или другой грузовичок, промелькнет легковушка. И ни одной новой, в основном, старье да чиненное, перечиненное. Бойко стучали колесами повозки, брички, тарантасы, фыркали, подняв хвосты лошади. Однако Адий не унывал, по партизанской привычке вышагивал широко, пружинисто, он намеревался пешком дойти до Каскелена. Весенний свежий воздух бодрил дыхание, синее небо плыло куда-то в бесконечность, зеленые фонтаны пирамидальных тополей бежали вдоль улиц и звали вдаль. Только теперь Адий понял, как за эти четыре года соскучился по родине, по дому. Скорее бы оказаться дома, увидеть семью, обнять детишек. Сердце взволнованно билось, в груди было жарко. Но вот и поселок Тастак, пересеченный широкой Ташкентской улицей, та переходит в большак, ведущий в Каскелен. И по-прежнему ни одной машины. Солнце припекает, ноги наливаются тяжестью и становятся как бы ватными. Адий вдруг остановился, оглянулся – издали из города пылила какая-то полупортка, грома-

хала на кочках, дребезжала расхлябаными бортами. Адий вышел на середину шоссе, вытащил из потайного кармана «Беретту», и когда машина была рядом, нацелил пистолет на водителя. Тот, бледный, сразу затормозил. Пожилой шофер был бледен, губы его дрожали, и, хотя Адий сразу убрал пистолет, и принялся успокаивать, мол, он не бандит и не задумал плохое, а сделал это, чтобы сесть в машину, водитель долго не мог прийти в себя. А когда разговорились, он объяснил, отчего так сильно напугался, – в прошлом году на этой дороге было убито несколько шоферов.

Полуторка неспешно пылила по избитой дороге, изобилующей кочками и колдобинами. Однако Адий не обращал внимания на неудобства. Он смотрел на гигантскую зубчатую стену гор, которая тянулась вдоль степи по югу, как бы обрезая небо. Эти горы с плавными прилавками холмов, живописно заросшими лесами и подлеском, опять напомнили ему Калбу, и на сердце засаднило от невнятной боли. Алма-Ата и ее предместья, например, Каскелен, где он проработал ряд лет, привык к этим местам, как говорят, прикипел сердцем, стали для него второй родиной. Здесь он создал семью, родились у него дети, в которых он души не чаял, два птенчика. И слова нежности закипели бредом отцовской любви у него на губах. Как он истосковался по своей семье, по детям, по их неповторимому запаху. На глаза навернулись слезы, и он уставился на горы. Сейчас весна, почему бы не побродить по холмам, не посидеть на берегу бурной речки, сбегаящей по ложу крутого, изборозжденного глубокими распадками и расщелинами ущелья.

Машина остановилась возле здания казахской средней школы. Адий поблагодарил водителя и протянул ему деньги, но тот отказался брать. Но вот полуторка бойко запыхала дальше. Адий вошел в школу, нашел знакомую комнату для учителей, открыл дверь. В учительской сидела незнакомая женщина, услышав от вошедшего мужчины вопрос: «Где сейчас Загира Куленова?», она вскочила и, ни слова не говоря, выбежала из комнаты. Адий недоуменно уставился ей вслед. В учительскую вошла еще одна женщина, Адий обратился к ней с тем же вопросом, и та тоже молча выбежала вон. Адий похолодел, в груди ворохнулось предчувствие недоброго. «Уж не случилось ли какой-либо беды с моей семьей?» – пробежал по спине ледяной холодок. В тягостном ожидании прошла минута–другая, но вот в комнату вошел среднего роста джигит с гладко зачесанной назад копной черных волос. На его лице пестрели следы от оспин. Он тепло поздоровался с Адий и представился как директор этой школы. Его звали Габдолла Мейрамов. Он сказал, что Загира Куленова работает в этой школе завучем, что она сейчас дома. Директор любезно предложил Адий сопроводить его домой. Они вышли на улицу, прошли несколько кварталов, и Адий с удивлением заметил, что они проходят мимо срубного дома с красной крышей, а ведь это был их дом. В нем они жили до его призыва в армию. Директор, увидев его замешательство, показал на другой дом, дескать, семья Адий теперь живет в этом доме. Это был приземистый, давно не беленный длинный дом с камышитовой крышей, куски штукатурки отваливались от бурых стен. Впрочем, не лучший вид был у большинства зданий и домов по всему Каскелену. Вошли во двор, дверь была широко распахнута. И опять от какого-то чувства сжалось и затрепетало сердце. Шагнули в сени, как в тумане, переступил он через порог. Он увидел тех двух женщин, которые выбежали из учительской, и свою жену, Загиру, она, сильно сгорбившись, уронив лицо в ладони, сидела в углу передней комнаты. Услышав шаги, она подняла

голову и кинулась к нему. И уже, сжимая жену в своих объятиях, Адий услышал ее рыдания, почувствовал, как судорожно бьется ее исхудавшее тело. По всему ее виду, по ее душевному состоянию он наитием почувствовал, как несладко пришлось ей за эти годы лихолетья. Но где дети, где Светлана и Руслан? Почему они не бегут к отцу, чтобы броситься в его объятия? Или они заигрались где-то? Или им не сказали, что их отец вернулся домой? И вдруг он, как бы по натию, услышал слова матери, Газизы, которые слышал от нее в детстве: «Будь мужествен в испытаниях, какими бы трудными они не были».

Кто-то вошел в комнату. Адий оглянулся и увидел своих давних друзей, Тайыра и Муниру. Они, приветствуя друг друга, радостно обнялись. Затем, успокоившись, Тайыр сказал:

– Мы надолго потеряли тебя. Да и вестей не было. Не знали, о чем и думать. Однако наши джигиты, которые вернулись с фронта, успокоили нас, сообщив, что ты жив, крепко воюешь, бьешь фашистов, будучи командиром партизанского отряда. Об этом нам сказал Оскембаев Тастанбеков. Это оказалось правдой, вот ты и сам вернулся к нам. А мы тут...

Внезапно Тайыр замолчал, резко перевел дыхание, будто ком в горле застрял.

– Говори! – глухо сказал Адий.

– Жили мы, не тужили, все как один, от мала до велика трудились для фронта. Однажды привезли к нам в район эвакуированных мирных жителей из Украины и Белоруссии, несколько тысяч семей. Надо было их расселить по району. Собрали мы на площади аксакалов, те решили, что каждая семья в Каскелене и Узун Агаче должна взять в свой дом по семье переселенцев. Слово аксакалов закон – прибывшие были расселены, в ваш дом тоже вошла одна украинская семья с детьми. Все было хорошо. Дети есть дети, твои ребята сдружились с ребяташками из Украины, играли с утра до вечера. Однажды они все свалились с высокой температурой. Вызвали врача, поставили диагноз – инфекционное заболевание, заразились от переселенцев. Лечили их, как могли, однако спасти твоих детей не сумели...

– Что? – вскричал Адий, сжав кулаки и задрожав всем телом... Горестная весть с такой силой ударила по сердцу, что на минуту он весь словно помертвел. Судорожно рыдала жена, все плыло перед глазами. В голове молотом стучала одна мысль: «Война! Ты добралась за тысячи километров и до мирного дома Адий, беспощадным ударом обрушила его шанырак, забрала детей. За что? За что?»

Подбирая подходящие ритуальные слова, Тайыр увещевал его, вселял в сердце мужество. Женщины утешали Загиру. В скорби прошло несколько часов, а потом к его дому потянулись люди, те, кто знал его, бывшие ученики, учителя, знакомые, чтобы приветствовать фронтовика, вернувшегося домой с полей небывалой битвы. Люди шли и шли, и это немного отвлекло потрясенную душу от мрачных мыслей.

Поздний вечер. В доме Адий Тайыр с Мунирой, подружки Загиры, Багыман аксакал, один из аульных старейшин. На столе нехитрая снедь, бутылка водки. В те времена найти хотя бы одну бутылку водки было нелегким делом, для этого нужна была целая операция, усилия многих людей и большие деньги. Но водку нашли и поставили на стол, такова была сила мирских правил. Багыман аксакал сказал следующие слова: «Мы сегодня, словно обрели давно потерянное. Наш

Адий, который целый ряд лет не давал о себе знать и потерялся в горниле ужасной войны, живой и здоровый вернулся к нам. Знайте, это самое главное. Мы скорбим о потери двух детей и приносим тебе наши соболезнования. Но помните, вы, Адий и Загира, еще молоды, у вас все еще впереди. Будьте крепки духом, не поддавайтесь надолго чувству горя. Дети у вас еще будут. Самое главное – пусть скорее закончится война, и тогда воспрянет весь наш народ».

Тайыр поддержал слова аксакала: «Наш народ миролюбивый, он не любит кровопролития. Однако на нас напали, поэтому наши батыры вышли на тропу войны. Вышел сражаться весь советский народ, и вот уже третий год подряд льется кровь миллионов людей. Один из наших орлов вернулся домой, и это большое счастье. Не по своей воле, а по логике великой войны, защищая Родину, отправил он в лоно сырой земли множество непрощенных гостей. С честью и достоинством, со славой бывалого воина он вернулся домой, чтобы продолжить мирный труд. Что может быть выше этого?»

Тайыр Жароков, военный комиссар Каскеленского района, был признанным народом большим поэтом. Он принялся читать стихи, и присутствующие ощутили огненную силу его пламенных, патриотических творений. Его слова пробуждали душу, поднимали ее к великим горизонтам грозного бытия. Адий хотелось слушать и слушать Тайыра, этого светлого и кристально чистого человека, прекрасного друга, верного заветам как творчества, так и дружбы. Дали слово Адий, он откашлялся, чувствуя, что еще не пришел в себя, что все еще стоит в горле саднящий ком, и попросил прощения, дескать, еще будет время и он расскажет о войне, о том, что происходит на фронте и как воюют наши соотечественники. Гости, поняв его состояние, дружно поднялись и пожелали Адий и Загире хорошего отдыха.

Мирная ночь в своем доме после стольких дней и месяцев военных будней с привычными звуками выстрелов, воя снарядов, гула бомбардировщиков, стонов раненных, резких выкриков командиров, разрывов мин, лая сторожевых собак, с постоянной сознательной и подсознательной тревогой; она казалась необычной, странной, какой-то чудной гостьей, сном из другого мира. Надо было привыкать к таким ночам с запахом сирени из палисадника, мерцанием несметных звезд за окном, перекатным говором далекой речки, что несет прохладу с гор, постоянной многоголосой перекличкой псов по всей долине, голосами с соседних дворов, где все еще возле казандыка возятся люди, что-то прибирают, звенят посудой. Где-то далеко-далеко буксует полуторка, ее мотор надсажено воеет и воеет, словно жалуется на горькую и одинокую судьбу. Вот она, мирная ночь, о которой ты столько мечтал, но нет детей рядом, не слышно их запаха и сладкого упоенного дыхания. И Адий беззвучно зарыдал в темноте. Кто отнял их у него? И он в глухой ночи дал волю слезам.

Поднялся он рано утром. Оделся, вышел во двор. Следом вышла Загира. С тревогой она спросила: «Почему ты так рано встал?» Он ответил: «Партизанская привычка, она еще не скоро пройдет. Пойду, осмотрю село, взгляну на наш прежний дом. Как он выглядит?» Жена сказала, что в нем теперь располагается районная прокуратура, и смотреть, казалось бы нечего. Однако он молча вышел со двора. Тихо шел по сумеречным улицам Каскелена, ранний рассвет светом зари заливал необъятную горную долину, кругом кричали петухи, хозяйки, которые встают ни свет ни заря, под навесами доили коров, было слышно как тренькают

струйки молока по доньшкам ведер, как вздыхают коровы, скучая по лугам. А они в этих краях тучные, высокие, за лето можно косить их два или даже три раза. Могучая трава в этих краях, и молоко обильное, пенное. Крестьянская жизнь с ее заботами и обычными приметами была так понятна, так близка душе Адий. Было понятно и то, почему почти все дома давно не подправленные, не мазанные и не беленые, заборы почти везде покосились, кое-где плетень и вовсе упала, лежит ворохами хвороста. Мужчин же нет, они на фронте, а многие, считай, не вернутся домой, они спят вечным сном в сырой земле.

Адий подошел к дому с красной крышей. Здесь они жили почти год. Он тоже выглядел неважно, штукатурка во многих местах обвалилась, обивка внешней двери сильно изодралась, штакетник двора словно пошатнулся и накренился, печная труба, выложенная из красного кирпича, изъеденная дождем и ветром, казалась посеченной осколками. Адий минуту-другую стоял возле двора, когда-то прибранного обихоженного его руками. Некогда он с лопатой в руках расхаживал по этому двору, вскапывал землю под кустами, а маленькая дочь неумело шла за ним, ловила руками его широкие штанины, звонко смеялась от избытка чувств. Сын же был совсем еще крохой. А пока отца не было, он, конечно, подрос. Какой же он был? Вот забытые чахлые кустарники, тени под ними, но вот тени будто бы шевельнулись, двинулись и побежали, и он словно воочию увидел силуэты ребятишек, мальчика и девочки, которые, взявшись за руки, беззаботно смеялись, радостно запрокидывая голову к небу, бежали через двор к нему, долгожданному отцу. Призраки его детей! Судорожная спазма стиснула сердце. Вот то, что он искал, от чего смертельно тоскует его сердце. Он резко отвернулся и зашагал прочь.

Каскелен тогда можно было обойти пешком за час-другой. Возвращаясь домой, он заглянул на скотный базар. Он уже был заполнен людьми и кое-какой живностью, кто-то приволок сюда барана, кто-то телка, а кто-то козу. Не было видно коней, как бывало в прежние мирные годы, когда такие площадки были заполнены в основном лошадьми и верблюдами. Тогда привычной была такая картина: могучие нары и атаны поревывали, вращали своими мохнатыми головами, зевая пенистой пастью, лошади беспокойно теребили ногами, встряхивали головой, норовя укусить соседа, вдоль заборов понуро стояли со скучным видом серые ишаки. Да, то время ушло в прошлое, а время нынешнего мытарства бросается в глаза ясными приметами запустения. Цены были запредельными. Адий только покачал головой и собрался было уходить, как его подозвал некто знакомый, это был отец одного из его учеников, пожилой человек с худым, темным, морщинистым лицом. Он предложил Адий овцу, но когда тот отрицательно покачал головой, сказал, что отдает бесплатно в дар, в честь возвращения фронтовика домой. Адий смутился, но старик настаивал, делать было нечего, таков был обычай казахов. Отказывать сердечному дару, сделанному от всей души, нельзя. Адий пригласил его домой, и они, беседуя, пошли к нему. По пути встретился Тайыр, он напомнил, что вечером ждет Адий и Загиру к себе в гости. Адий знал, что и это обычай, теперь пол села станет ежедневно зазывать его в гости.

Шло время. Однажды Тайыр пригласил Адий на мероприятие по отправке призывников в армию. Адий согласился. Во дворе военкомата собралось несколько десятков людей. Джигиты и мужчины, которые призывались в этот день, стояли отдельной нестройной толпой. На их серых, тусклых лицах были написаны рас-

терянность, уныние, некоторые откровенно тосковали. Невдалеке стояла группа женщин, то были жены и матери, они в основном были заплаканными.

Выступил военный комиссар района Тайыр Жароков, он произнес краткую, ясную и яркую речь. Он напомнил призывникам, что Красная Армия наносит врагу сокрушительные удары, по всему фронту враг отступает, бои идут уже на территории Украины и Белоруссии. Поэтому на фронт нужно отправляться с высоко поднятой головой, понимая, что война близится к концу, нужно верить в победу и желать всеми силами нанести врагу сокрушительное поражение. До отправки на фронт призывники два месяца будут проходить военную подготовку в воинской части на территории поселка Тастак, что рядом с Алма-Атой. Они получают первые навыки, научатся владеть оружием, изучат уставы. Затем слово дали Адий Шарипову.

Адий энергично и коротко сказал, что на войне выживают храбрые, бесстрашные, энергичные бойцы, те, кто хочет жить, работают над собой, побеждают страх. А самое главное, тот батыр, кто желает жить и воевать, кто не хочет быть убитым, сам должен убить врага. Адий заметил, что при этих словах многие вздрогнули, встрепенулись, как бы сбросив с себя временное уныние. Джигиты заметно прибодрились и повеселели. Начали их сажать в машины, вот полторки двинулись по дороге. Женщины с плачем, завывая, причитая, побежали за машинами. Это была знакомая картина, невеселая хроника военных лет.

Однажды Тайыр и Адий, возвращаясь из одной поездки в город, зашли на базар. Тайыр купил жене букет пионов, пышных, с множеством лепестков, с каплями влаги, алых, розовых, багровых, карминово-красных, это был неохватный роскошный букет. Тайыр очень нежно и трепетно относился к Мунире, и хотя они были в супружестве уже ряд лет, казалось, что они молодожены. Супруги понимали друг друга с первого взгляда, они никогда не ссорились, на внимание и нежность Мунира отвечала заботой, глубоким женским участием, интуицией чувствуя, когда и как нужно поддержать мужа. У них было двое детей, и дети были счастливы, видя незамутненную любовь родителей. Адий, думая об отношениях Тайыра и Муниры, понимал, что это и есть настоящая любовь и дружба двух очень хороших, нравственных людей, преданных друг другу, как лебеди. Ему было хорошо, от того, что у него такие друзья, от которых можно кое-чему научиться. На этом базаре он тоже купил Загире букет таких же пионов и принес жене. Она вспыхнула девичьим смущением, зарделась улыбкой, подбежала, взяла цветы и поцеловала Адий, заглядывая ему в глаза как некогда, когда они впервые объяснились друг другу. «Ты же так не делал, у кого ты научился?» – улыбаясь, спрашивали ее глаза, хотя все про него знали.

Прошел еще час, вдруг Адий почудилось, что на их дом летит немецкий бомбардировщик, с гулом, характерно подвывая, он неотвратно приближался, еще минута, и он обрушит страшный бомбовый груз. Адий оцепенел, он был в каком-то ступоре, и никак не мог сбросить с себя помутнение. А небо разверзлось с ужасным, душераздирающим грохотом и треском. Адий пришел в себя, выбежал в переднюю комнату, там увидел Загиру, которая навзничь лежала на кровати, раскинув руки, мертвенно бледная, она едва-едва шевелила пальцами, а глаза казались остекленевшими. Адий обнял жену, приподнял ее, похлопал по щекам, приводя в чувство. С улицы доносились крики людей. Прибежали Тайыр и Мунира. Оказывается, над Каскеленом пронесся грозовой шквал, настоящий

шторм, он сорвал крыши многих домов, вывернул с корнями могучие деревья, разбил стекла. Адий вышел во двор. Увиденное поразило его: камышитовая крыша его дома была рассеяна по земле, везде лежали ворохи старого, полусгнившего камыша. Он был настолько трухлявый, что рассыпался в прах под ногами. Так природа сама уничтожила ненужное, омертвелое, но она же и напомнила о наступающем шторме, который страшнее всего, – о войне.

А через несколько дней через посыльного его вызвали в Алма-Ату в ЦК Компартии Казахстана. Тайыр, Мунира, Загира были встревожены, они терялись в догадках, в чем дело, в чем причина такого срочного вызова, да еще в ЦК? Секретарь райкома партии в Каскелене выделил свою машину, на ней рано утром Адий приехал в Алма-Ату. В ЦК его поначалу принял Исабеков Болебай, он хранил загадочное молчание, только сказал, что вместе они должны пойти на бюро ЦК, куда их вызвал первый секретарь ЦК КПК товарищ Скворцов. Через час они вошли в зал, где Адий увидел членов ЦК, сидящих за длинным столом, среди них он узнал Мухаметжана Абдыхалыкова, которого знал раньше до войны. Он тогда занимал должность наркома образования. Николай Александрович внимательно посмотрел на Адий, затем спросил, как это он стал партизаном? Адий негромким, глуховатым голосом принялся рассказывать свою историю. Все внимательно слушали. Затем Скворцов снова спросил, находится ли й Шарипов в рядах КПСС. Адий пояснил, что стал кандидатом еще будучи партизаном в парторганизации 2-ой Клетнянской бригады, но билет еще не получил, обещали прислать почтой в Алма-Ату. И тогда Николай Александрович громким голосом зачитал характеристику на Адий Шарипова, присланную из штаба партизанских соединений в Белоруссии. В ней говорилось, что Адий Шарипов – один из организаторов партизанского движения в Белоруссии, в течение 27 месяцев в Смоленской и Брянской области сражался с врагом, проявил мужество и храбрость, был политруком, заместителем комиссара бригады. После слов первого секретаря Мухамеджан Абдыхалыков зачитал характеристику, в которой дал высокую оценку тем годам, когда Адий Шарипов работал учителем в Каскелене. После всего этого, оглядев членов ЦК, Скворцов сказал: «Есть предложение назначить вас, Адий Шарипович, заместителем наркома образования республики. Как вы на это смотрите?»

– Хорошо смотрю, – нисколько не растерявшись, незамедлительно ответил Адий.

«Ай, да партизан! Молодец!» – дружно рассмеялись все в зале. Так выяснилась причина срочного вызова Адий в ЦК. Домой он как на крыльях летел.

* * *

Комиссариат просвещения тогда находился на пересечении улиц Ленина и Джамбула. Казалось, это было обычное бюрократическая организация, наделенная, конечно, широкими полномочиями в сфере организации учебного процесса в Казахстане и методического руководства им. На самом деле она была полностью подконтрольна идеологическим отделам ЦК КП(б) Казахстана, которые жестко курировали сферу образования, науки и культуры главным образом с точки зрения пропаганды идей марксизма-ленинизма. Надо учесть, что в 40-е и 50-е годы магистральным политическим направлением был и сталинизм. Не говоря о философии и идеологии, формах и средствах пропаганды, он господствовал во всех сферах, даже в области общего языкознания, новейших отраслях естественных

наук. Министерства, в те годы, наркоматы, были в основном исполнительскими инстанциями, которые были лишены самостоятельности и малейшей инициативы в выработке политики и стратегии в области науки, культуры и образования, в том числе и развития отраслей промышленности. Понимание этого придет к Адий Шарипову гораздо позже, когда он осознает, что борьба может приобретать сложные и изощренные формы не только на поле фронтовых или партизанских сражений, но и в министерских, академических кабинетах, в вузовских аудиториях, в приемных ЦК. Получив назначение на должность замнаркома просвещения, вдохновленный столь почетным поручением, он и не думал, не гадал, что ему придется дальше развивать навыки военного человека, привыкшего ждать опасности на каждом шагу, предугадывать действия врагов, защищать ценности, имеющие такое же высокое значение, как сама Родина. Боевой опыт, закрепившийся в психологии выдавшего виды человека, потом вполне пригодится ему, когда он увидит, что маска врага гораздо сложнее и многограннее, нежели та условная фигура, которую видишь по ту сторону окопа. Она может быть даже парадоксальной, оборачиваясь неожиданным образом, когда бывший товарищ, одноклассник, вдруг занимает позицию, которую ты ни сердцем, ни душой, ни разумом принять не можешь.

Когда-то в молодости Адий получил серьезный урок от социума, обвиненный в классовом отщепенстве, враждебности советскому строю, так как, якобы, является потомком богатеев и кажы, он был вынужден бежать из Казахстана в другую республику, ему пришлось приложить невероятные усилия, чтобы восстановиться в рядах комсомола, заслужить политическое доверие властей. Без этого невозможно было получить высшее образование и работать в сфере избранной специальности. Каждый учитель, журналист, преподаватель вуза, ученый академического института, музейный работник, редактор, издательский работник считался потенциальным идеологом, пропагандистом советского образа жизни. В армии Адий пришлось потрудиться политруком и в кадровой части и в партизанском отряде, при этом во внимание бралось то, что он имел высшее образование. Так было со всеми и везде в СССР в течение ряда десятилетий. Честному, принципиальному человеку без солидной поддержки верхов, серьезной политической рекомендации, по крайней мере, без характеристики, заверенной уполномоченными лицами ответственной организации, удержаться в сфере, имеющей идеологическое значение, и долго трудиться там было практически невозможно. Наркомат просвещения, прежде всего, был именно такой организацией. Он отвечал за издание учебников, учебных пособий, учебных и типовых программ по всем дисциплинам, то есть за обучение и должное воспитание всего молодого поколения. Со временем во вновь возникшей опасной ситуации Адий выручит его заслуженный авторитет фронтовика, партизана и организатора партизанского движения в Белоруссии, а также партийная характеристика, данная ему руководителями боевых действий партизан в Смоленской и Брянской областях.

В первые дни и месяцы работы в наркомате он, конечно, об этом не догадывался. Ему нужно было привыкнуть к новой обстановке, необходимо было осваивать навыки административной работы, документального делопроизводства, знакомиться с новыми людьми. Нужно было войти в особенности дел большого государственного значения – строительство новых школ, интернатов, училищ, открытие новых институтов. Однако ему повезло, в большинстве своем работники

наркомата были люди очень корректные, сведущие в своем деле, профессионалы высокого уровня. Они нисколько не тушевались перед своим начальством, понимая, что Адий Шарипов – новичок в деле государственного управления образованием, они тактично подсказывали, умело исправляли недочеты. Они были мастера в делопроизводстве, и Адий было очень удобно учиться у них, впоследствии у них сложились очень хорошие отношения. Так же получилось с самим наркомом просвещения. Абдихамит Сембаев на первых порах встретил своего заместителя несколько холодновато, сдержанно, как бы намекая, что недоволен тем, что подчиненного назначили без его ведома. Но потом у них сложились очень теплые и доверительные отношения. А.Е. Сембаев увидел деловые способности Адия Шарипова, интуитивно почувствовал характер честного, прямого и открытого человека, и, видимо, это понравилось ему. Со временем, скорее всего, по ходатайству самого Сембаева Адий Шарипов был назначен заместителем наркома по кадровой работе, что, конечно, говорило о высоком доверии.

Вскоре комиссариат просвещения, как и другие наркоматы, был переименован в министерство. А затем от суровой эпохи нагрянуло и настоящее испытание. В 1947 году 21 января вышло печально известное Постановление ЦК КП (б) Казахстана «О грубейших политических ошибках» Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР», которое сыграло роковую, а то и трагическую роль в судьбе многих известных ученых и писателей Казахстана. (7.112с.) Оно на целые десятилетия грубо скорректировало развитие науки, культуры и литературы в республике, исказив их естественную эволюцию, направив ее по пути догматизма диктата идеологии, провинциализма, плоских и часто вульгарно-социологических интерпретаций значимых вех истории казахского народа, этапных его достижений. Например, из истории Казахстана буквально были вымараны важнейшие страницы, связанная со становлением ханства, деятельностью казахских ханов и султанов, в черном свете была показана великая и многолетняя борьба казахов за независимость, которую возглавил последний хан Кенесары Касымов. В результате внедрения этого Постановления были репрессированы не только крупнейшие ученые-историки, изучавшие эту тему, но и остановлен генезис большой науки, идейно богатой художественной литературы. Многие ученые и писатели долго не решались обращаться к социально-политически актуальным темам и проблемам, а ведь через их решение и смелую трактовку и происходит становление крупной, общественно значимой личности. Можно привести в качестве примера М.О. Ауэзова, который будучи юношей в двадцатых годах описал в своей большой повести «Лихая година» восстание казахов племени албан в Семиречье в 1916 году. Запреты, гонения, идеологический пресс, обстановка страха и постоянного ожидания кары привели к появлению, так называемого, потерянного поколения творческой интеллигенции, не сумевшей реализовать себя.

Однако, напротив, в это время вольготно чувствовали себя беспринципные карьеристы, люди склонные к подлости и продажности, всевозможные лицемеры и подхалимы, ведь они по своей природе склонны ненавидеть духовно цельных людей, особенно – высоко-нравственную личность, многогранно и исключительно одаренную, прямую в поступках и честную в мышлении, творящую по своей миссии. В искусстве, науке и литературе должны господствовать именно такие личности. Они и были, например, К. Сатпаев, М.О. Ауэзов, К. Жумалиев и др. Названное Постановление ЦК КП (б) Казахстана развязало руки лицемерам

Оно дало им карт-бланш. В нем говорилось о следующих ошибках, нарушениях и даже политических просчетах ведущих ученых Института языка и литературы Академии наук. На тот период в учебниках и учебных пособиях в Казахстане, как школьных, так и вузовских, были главы, посвященные творчеству Шортамбая, Мурата Мунке улы, Дулата Бабатай улы, Аубакира Кердери, Гумара Караша, Машхур Жусупа Кобеева, Шангерей Бокеева и др., творчество этих личностей было определено авторами Постановления как реакционное, байско-феодалное националистическое. Самый опасный и провокационный аспект этого заявления заключался в том, что этих поэтов обвинили в том, что их творчество, особенно Шортамбая, Мурата Мунке улы, Дулата Бабатай улы, Аубакира Кердери, направлено против России, русского народа. Это обвинение носило ясный политический характер, оно опосредованно было обращено своим острием против авторов учебников, среди которых наиболее известным ученым был литературовед К. Жумалиев.

Как пишет в своих воспоминаниях Адий Шарипов, постановление ЦК нужно было выполнять в обязательном порядке. Однако мыслящие ученые искали любые компромиссные пути, ведь с устранением из истории литературы этих имен, возникает своего рода вакуум, пустота, охватывающая целые периоды казахской литературы, например, конец 19-го и начало 20 века. Именно в этот период сформировалось уникальное литературное течение, имевшее место только в казахской и кыргызской литературе, и получившее название Зар заман, то есть Эпоха скорби и плача. Каждый серьезный историк литературы понимал значение этих поэтов, Шортамбая, Мурата Мунке улы, Дулата Бабатай улы, Аубакира Кердери, в том числе Гумара Караша, М.Ж. Кобеева, Н. Наушабаева, Шакарима Кудайбердиева, творчество которых было близко к религиозному мироощущению, было мотивировано и обусловлено либо суфизмом, либо мусульманскими апокрифами – кисса. В их творчестве ничего антирусского не было, эти поэты были настроены против деспотизма царизма и его колониального наступления на Великую степь. Предчувствуя катастрофу мира последних номадов, они оплакивали прошлое конно-кочевой цивилизации, выражали неприятие всего того, что несла колониальная эпоха с ее нравами, буржуазными отношениями, моральной распущенностью, деньгами, водкой, вином, сигаретами. Не нравились им, в том числе, и такие атрибуты новой эпохи, как машины, техника, мануфактуры, ведь они символизировали капитализм. Но ведь эти явления саркастически критиковали и Гоголь, Л.Н. Толстой, Салтыков-Щедрин, писатели-народники, и др. классики русской литературы. Но ведь никто не призывал запретить творчество Л.Н. Толстого, а его произведения изъять из оборота, в том числе из педагогического, учебного процесса!

«Заведующий агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии Храмков вызвал меня и других руководящих работников Министерства просвещения с требованием в кратчайшие сроки выполнить постановление ЦК Компартии Казахстана» – вспоминает об этих днях Адий Шарипов (перевод А. Шарипова – А.Ж.).

Очень трудно бороться с апологетами идеологического режима, тем более сталинской эпохи, когда недалеко в прошлое ушли 1936-37 гг. Так и маячили за их спинами зловещие тени ОГПУ и НКВД. При министерстве просвещения был Учебно-методический совет, в него входили известные ученые, преподаватели вузов, писатели, С. Муканов, М.О.Ауэзов, К. Жумалиев, К. Жармагамбетов, А.

Сыздыков, Н. Сауранбаев, С. Аманжолов, С. Кенесбаев и др., всего 25 человек. Председателем совета был Адий Шарипов. На этих заседаниях к единому мнению прийти было трудно. С. Муканов, К. Жумалиев и М.О. Ауэзов предложили вместо убираемых из учебников поэтов ввести главу о казахском ученом, писателе и просветителе Ч. Валиханове. Они принесли с собой копии писем Валиханова Ф.М. Достоевскому, его очерки, в которых казахский просветитель, несмотря на молодость, демонстрировал очень глубокие познания в области национальной литературы, культуры и этнографии, впервые сообщал миру о существовании монументального кыргызского эпоса «Манас». По этому вопросу мнения членов совета совпали, так с этого года в учебниках появился материал по творчеству Чокана Валиханова.

Адий Шарипов все эти дни вновь и вновь просматривал учебные и типовые программы, всевозможные учебники и пособия разных лет, труды классиков марксизма-ленинизма. В трудах В.И. Ленина ясно формулировалось учение о двух культурах в каждой национальной культуре, одна из них, по его мысли, отражала интересы господствующего класса, а другая была близка к чаяниям народа, угнетенного класса, в ней со временем вызревала тенденция духовного, идеологического выражения ментальности именно трудового пролетариата. Изучая учебники по русской литературе, Адий Шарипов обратил внимание на то, что авторы этих пособий основываются именно на этой ленинской теории о двух культурах в каждой национальной культуре. В своих трудах они в одинаковой степени освещали материалы как по новой, пролетарской и крестьянской литературе, так и по старой, классической, связанной с интересами традиционных сословий царской России, ушедших в прошлое, в том числе и буржуазии. При этом никто из авторов не награждал классиков русской литературы такими хлесткими ярлыками, как буржуазно-националистические, реакционные деятели, просто описывалась историческая ограниченность их мировоззрения, духовно и психологически обусловленная временем, социальной средой, то есть классовым происхождением. «Почему в истории русской литературы можно оставлять таких деятелей, а в истории казахской нельзя?» – не на шутку задумался Адий Шарипов. В чем дело, где тут зарыта собака? И как, чем заполнить образовавшийся вакуум в учебниках по казахской литературе?

Учебно-методический совет собирался часто, иногда по несколько раз в неделю. Ситуация накалялась. В прессе появлялись провокационно хлесткие материалы, которые также нагнетали обстановку. А. Шарипов пишет: «Одним из особо активных ниспровергателей являлся Нурушев, научный сотрудник Института языка и литературы Академии наук. Его регулярные выступления и яростная критика М. Ауэзова, К. Жумалиева, других ученых, «поддерживающих реакционных поэтов-националистов», привела к тому, что их официально объявляли «националистами». В то время это было равносильно приговору. Тогда же находилось немало полуграмотных «ученых-активистов», постаравшихся свести как личные счеты, так и провести инвентаризацию вековой истории и литературы казахского народа, уничтожить талантливых образованных ученых, таких как Мухтар, Кажым, Есмагамбет. Крупные произведения казахского эпоса («Едыге», «Ерсайын», «Шора» и т.д.) вычеркивались ими из программы средних школ и ВУЗов, объявлялись «националистическими эпосами». Ради карьеры эти «ученые» готовы были почти на все». (Перевод А. Шарипова – А.Ж.).

Опять собрался методический совет. На этом заседании, под влиянием позиции Кажыма Жумалиева, приняли решение оставить в учебных пособиях материал по творчеству А. Кердери, Шортанбая, М. Монкеулы, Д. Бабатайулы, и др. оспариваемых поэтов, но не вносить в хрестоматию для 9 класса. Сделав это, следует переписать комментарии к этим персоналиям в духе учения о двух культурах в каждой национальной культуре, то есть осветить два течения, так называемое, прогрессивное, выступавшее за близость к России, и реакционное, настроенное критически к царской России. Это решение показалось разумным, оно было на тот период обоснованным. Кайнекей Жармаганбетов и Бейсебай Кенжебаев одобрили мнение Кажыма Жумалиева. М.О. Ауэзов промолчал, оно и было понятным – он сам подвергался ожесточенным нападкам, и его положение становилось шатким. Узнав об этом, зав. отделом по школьным вопросам ЦК Компартии Костенко, министр просвещения Сембаев поддержали Адий Шарипова и резюме учебно-методического совета. Однако в совете были и другие люди, они не могли сидеть спокойно. Донос пошел наверх, и Адий Шарипов был вызван к ответственному работнику ЦК, зав.отделом агитационно-пропагандистской работы Храмову. В кабинете Храмова все было по-другому, царила атмосфера напряженности, враждебности и подозрительности. Выслушав отчет Адий Шарипова, Храмов отчетливо процедил: ««Если вы при написании учебников не учтете ошибки, допущенные Институтом языка и литературы, ответите головой!»». (Перевод А. Шарипова – А.Ж.).

О разговоре с Храмовым Адий доложил своему шефу – А.Е. Сембаеву, тот решительно одобрил действия Адий Шарипова. Тем не менее на душе было не спокойно, все эти дни Адий размышлял о природе таких людей, как Нурушев, почему им не сидится спокойно, чего они хотят, почему они с такой ожесточенностью атакуют историю и культуру своего народа, великих творческих личностей, которые созидали ее, ученых, которые пишут об этом. Какие цели они преследуют при этом? Цветущая природа Алма-Аты, ее прекрасные парки, сады, скверы, титанический хребет, похожий на застывший аккорд грандиозной симфонии, не помогали душе, тревога глодала сердце.

Выполняя решение Учебно-методического совета, за 15 дней написали новые программы, пересмотрели структуру новых учебников и пособий. Привлекли к написанию программ для старших классов очень опытного и грамотного знатока казахской литературы, преподавателя Женпи Шайкы Каримбаева, к которому с уважением относились и такие мэтры литературы, академики, как М.О. Ауэзов, С. Муканов, К. Жумалиев. Прежние авторы, многое исправив в них, откорректировали свои учебники и пособия, заново был написан целый ряд глав. Два года подряд эти учебники и пособия издавались без особых проблем. Два года жили нормально. Но вот опять грянул гром.

Обратимся к свидетельству самого Адий Шарипова: «В газете «Правда» от 26 декабря 1950 года вышла статья Шойынбаева Т., Якунина А.Ф., Айдаровой У.Г. «Изучение истории Казахстана по марксистско-ленинскому мировоззрению». В статье писалось, что восстание Кенесары-Наурызбая в середине XIX века было направлено против России. «А профессор Бекмаханов, допустив политически ошибочное заключение, оценил в своей книге восстание, как прогрессивное. На самом деле работа является «националистически направленным трудом». Статья

словно подлила масла в огонь. Только успокоились от предыдущей борьбы, как снова всколыхнулись «активисты» и подхалимы – охотники на ведьм и любители ловли рыбы в мутной воде». (7.118с.) (Перевод А. Шарипова – А.Ж.)

Вновь в газетах поднял истерию Нурушев. Нурышеву принялись вторить доцент КазГУ Ахмет Такежанов, доцент КазПИ Шахизада Юсупов, доцент, преподаватель истории КазПИ Абирак Нилдебаев, еще ряд так называемых бдительных активистов. Хором они стали усердствовать в очернении и дискредитации больших ученых и научные исследования, которые они вели. (7.118с.) В результате этой публикации в газете «Правда» в республике созывались Республиканские активы и Пленумы ЦК КП КазССР, снимались с должностей одни люди, назначались другие. Над головами ученых сгущались тучи. Заведовать школьным отделом ЦК КП пришел Оспанов Курман, бывший директора ЖенПИ (терминология тех лет – А.Ж.). Вскоре агитационно-пропагандистский и школьный отделы в ЦК объединили в один, заведующим стал Храмков, Оспанов – его заместителем. Шел 1951 год. В один прекрасный день, в министерство просвещения, где работал Адий Шарипов, с проверкой заявила комиссия ЦК КП КазССР, ее возглавлял Шахизада Юсупов. Членами комиссии были профессор С. Аманжолов, А. Нилдебаев, В. Савосько, А. Такежанов. Надо сказать, что потом многие годы Адий Шарипов от души сожалел, что в этой злополучной комиссии оказался доктор филологических наук, профессор С. Аманжолов, прекрасный ученый, хороший человек, которого Адий знал с детства и с которым поддерживал семейную дружбу. С. Аманжолов, мягкий по натуре, тактичный человек (про таких казахи говорят: «момын»), видимо, не мог отказать воле вышестоящего начальства. Так или иначе, под решением этой горе-комиссии потом оказалась его подпись. Увы, теперь это уже факт истории.

Окончание следует.

